Кристиан Бек

История Венеции

Эту книгу я посвящаю Витторе Бранке и Джорджо Падоану, а также всем моим коллегам и друзьям в Венеции.

Введение

Венеция по праву гордится своей необыкновенной судьбой. Заявившая о себе еще при римлянах. Венеция окончательно оформилась в самостоятельное образование в период варварских нашествий VI и VII вв. В составе византийского герцогства (дуката) ей удается выстоять во время падения Равеннского экзархата, отразить натиск франков и в результате обрести автономию. Центром Венеции становится остров Риальто.

Именно сюда в середине IX в. привозят мощи святого Марка: отныне он считается покровителем поселения, которое вскоре станет называться Венецианским государством *(Civitas Veneciarum),* а во главе его встанет дож.

Морская торговля обеспечила быстрое экономическое развитие Венеции. Начиная с 1000 г. и далее на протяжении многих веков моряки и купцы создавали обширную Средиземноморскую империю. Четвертый крестовый поход, во время которого крестоносное воинство отклонилось от своей первоначальной цели, обеспечил Венеции господство на Леванте, как на суше, так и на море; отныне она ревностно защищает приобретенные там земли от соперников.

В самом городе постепенно складывается оригинальная форма правления, идеально соединившая (по убеждению местных жителей и иностранцев) власть одного лица (дож) с властью элиты (Сенат) и всего народа (Большой совет). Разумеется, под «всем народом» фактически подразумевается узкий круг старой торговой аристократии, которая с 1297 г. старательно отгораживается от проникновения в свои ряды «новичков». Венецианская конституция, будучи раз утвержденной, в течение пяти столетий остается практически неизменной (еще один повод для восхищения): в нее вносятся лишь незначительные поправки. Однако когда с востока на заморские владения Светлейшей (Венецианской республики) начинают наступать турки, она вынуждена обратить взоры на материк, или Терраферму *(terra ferma* — букв. твердая земля, суша); на территории Италии она создает целую империю, северная граница которой проходит через Фриуль, западная — неподалеку от Милана, а южная — близ Феррары.

В начале XVI в. конкуренты останавливают континентальную экспансию Республики. После открытия Америки значительная часть морских перевозок постепенно перемещается из Средиземного моря в Атлантику. Для Венеции наступает период экономического спада, ее политические структуры застывают, владения на Леванте постепенно ускользают из ее рук. Тем не менее она по-прежнему блистает во всех сферах культуры: славу ее создают талантливые архитекторы, живописцы, писатели.

В 1797 г. слабые и нерешительные правители Республики, символом которой издавна считается горделивый лев, без боя сдают ее Бонапарту, а тот вскоре уступает ее Австрийской империи, и до 1866 г. город пребывает под иностранным владычеством (не считая кратковременной эфемерной Второй республики 1848 г.).

В 1866 г. Венеция вошла в состав Италии; пережив период глубочайшей депрессии, она стала провинциальным городом и, похоже, вряд ли когда сумеет достичь прежнего величия. Сегодня Венеции грозит затопление, загрязнение окружающей среды и демографическая катастрофа. Поэтому вопрос о ее будущем остается открытым. Что лучше — ценой

величайших усилий сохранить прежний облик города и его шедевры или же, напротив, пойти на вынужденные меры и обустроить его согласно требованиям современной жизни?

Таковы ключевые моменты и проблемы, затронутые в данной книге, где мы попытались не только обобщить факты, которыми располагаем, но и отдать дань восхищения этому удивительному городу и его неповторимой культуре.

Глава 1
Истоки

Из болотного ила, песка и воды

Город Венеция является подлинным шедевром, созданным человеческими руками наперекор природе, с самого начала противившейся урбанизации этого уголка на побережье Адриатического моря.

Лагуны северо-западной Адриатики образуют обширные пространства, заполненные местами соленой, местами горько-солоноватой водой, песком и илом. С севера на юг протянулась узкая полоска земли между реками Изонцо и Пьяве и полоса пошире — между поселениями Езоло и Кьоджа; через проливы *(porti),* прорезающие береговую линию *(litus/lidi),* эти земли соединяются с морем; зыбучие пески дельты реки По образуют выступающий в море участок суши; воды лагуны также омывают земли между Комаккьо и Равенной.

Центральная — собственно Венецианская — лагуна представляет собой обширное мелководье, где властвуют сильные приливы и отливы. Изначально среди ее болот было разбросано множество мелких островов (Мурано, Бурано, Торчелло и др.) и шесть десятков едва выступающих из воды островков архипелага (Риальто), сгруппировавшихся вокруг излучины бывшей реки (будущий Большой канал).

Относительная недоступность этой местности — передвигаться можно только по протокам на лодке — надежно гарантировала ее безопасность. По отношению к материку, где на протяжении веков хозяйничали захватчики и бушевали политические катаклизмы, она располагалась на отшибе, и обитателям ее было легче сохранять свою независимость. Нехватка продовольствия побуждала жителей выходить в море и добывать на продажу соль и рыбу. Суровые условия жизни заставляли поселенцев проявлять инициативу, способствовали возникновению чувства локтя и гражданского долга.

Первые шаги

В римскую эпоху административным центром региона становится Аквилея, город, основанный в 181 г. до н. э., и речной порт, куда ведет множество сухопутных дорог. Неподалеку находится морской порт Градо, являющийся также и военно-морской базой. На юге прибрежное поселение Кьоджа держит под контролем торговые пути, ведущие в Падую.

В 402 г. н. э. готы под предводительством Алариха обрушиваются на Аквилею и подвластные ей земли и разоряют их. Население в страхе покидает город и ищет пристанища в лагуне. Если верить легенде, впоследствии усиленно распространяемой венецианцами в подтверждение древности своего города и не менее древних корней своей свободы, Венеция была основана 25 марта 421 г. на островках *rivus altus* (Риальто).

В 452 г. предводитель гуннов Аттила вновь предает огню Аквилею и опустошает Конкордию. И так же, как в прошлый раз, местные жители ищут спасения среди вод и на островках лагуны. И вот около 466 г. поселенцы закладывают на новом месте основы своей будущей системы управления — избирают вождей — трибунов.

Вождь остготов Теодорих, проникший в 486 г. в Италию, в 493-м убивает Одоакра,

захватывает Равенну и провозглашает себя королем; не желая подчиняться новым властям, местное население покидает насиженные места и перебирается поближе к морю.

После смерти Теодориха его приближенный Кассиодор в 537 г. направляет трибунам, поставленным над жителями лагуны, письмо с просьбой помочь доставить продовольствие из Истрии в Равенну, где свирепствует голод. К трибунам, являвшимся, очевидно, военачальниками, наделенными судебной и административной властью, Кассиодор обращается крайне почтительно и витиевато выражает свое восхищение самобытным образом жизни подчиненного им народа. Благодаря Кассиодору нам известно, что уже с VI в. жители лагуны активно осваивали морское и речное судоходство (каботажное плавание и плавание по всей Адриатике, рыболовство и добыча соли), а образ их жизни отличался поистине первозданной простотой: «Эти достойные похвалы венеты, многие из которых некогда были людьми знатными, расселились на юге до самой Равенны и берегов По, а на востоке дошли до красивейшего ионического побережья, где прилив то заключает в свои объятия прибрежные земли, то, отступая, вновь возвращает их людям. Дома береговых жителей подобны гнездам водяных птиц, ибо стоят они в таких местах, кои сегодня являются частью суши, а завтра могут оказаться островами, так что невольно кажется, будто очутился где-нибудь на Кикладах и по прошествии некоторого времени вновь увидишь прежнюю картину. О великом этом сходстве вспоминаешь, когда разглядываешь простирающиеся вдаль и залитые водой равнины, среди которых выделяются сотворенные природою, но обустроенные трудом человеческим обитаемые островки: там люди, сплетая гибкие тростники, делают из них своего рода дамбы и бесстрашно противопоставляют морской волне столь хрупкую защиту… Единственная здесь пища — это рыба, что водится тут в изобилии. Здесь бедняк на равных говорит с богачом, все едят одну и ту же пищу, живут в хижинах и никто никому не завидует, ибо жилища все похожи одно на другое, а посему жизнь их размеренна и беспорочна, в то время как весь прочий мир разъедает порок зависти… Все силы этих людей уходят на добычу соли…»

В 568–570 гг. в бассейне По появляются лангобарды и создают там свое королевство со столицей в Павии; нашествие лангобардов опять вызывает отток местного населения, на этот раз долговременный и широкомасштабный; край покидают не только множество мелких собственников, но и крупные землевладельцы, военные, гражданские и церковные сановники. Патриарх Аквилеи (согласно легенде, епископство Аквилейское также основал святой Марк) перебирается в Градо. Бывшие жители Тревизо создают поселения на островках Риальто и Торчелло, падуанцы устраиваются на Маламокко, фриульцы — в Градо и Каорле. Беженцы селятся также в Кьодже и Езоло. В 639 г. на Торчелло был построен собор (перестроен в 864 г., а затем в 1008-м). В то же самое время, когда лангобарды захватывают Одерцо, дукс византийский создает новый город Читтанову, или Гераклею, в честь византийского императора Ираклия.

Города эти находятся в ведении византийской администрации, возглавляемой экзархом Равенны, правившим вплоть до 751 г., т. е. до самого падения города и прекращения существования экзархата.

В 726 г. византийский император издает эдикт, запрещающий поклоняться изображениям святых; эдикт этот вызывает возмущение западных христиан, которых поддерживают жители лагуны. Венецианцы избирают своим дуксом (дожем) местного жителя (невизантийца) по имени Орсо. После разрешения конфликта Орсо покоряется экзарху и император утверждает его в должности. Но через десять лет Орсо убивают и управление краем временно переходит в руки военачальников, также из местных уроженцев, которые осуществляют свои функции в рамках, определенных византийской администрацией. Сын Орсо — Диодато, второй дож Венеции, в 742 г. переносит резиденцию правительства из Читтановы в Маламокко.

Таким образом, верховного титула изначально удостаивался представитель определенной династии или знатного семейства, который обычно старался сделать своим помощником, а затем и преемником собственного сына. Например, Маурицио, избранный

дожем в 764 г., основал в 775 г. собор Сан-Пьетро ди Кастелло и в 778-м приобщил к управлению своего сына Джованни, а тот в 787 г. после смерти отца унаследовал его должность. Однако в 804 г. семейству Обелерио удалось низложить дожей Джованни и Маурицио II… Соперничество кланов помешало созданию в Венеции наследственной монархии.

После того как империя франков поглотила королевство лангобардов, Карл Великий решает захватить Венецию и посылает в лагуну своего сына Пепина. Пепин занимает Кьоджу, Градо, Читтанову и Езоло, но продвинуться дальше ему не удается: население, перебравшееся на Риальто, сопротивляется столь упорно, что в конечном счете франки вынуждены были отступить. В следующем году в результате соглашения, заключенного между Восточной империей и Западной, Карл Великий отказывается от своих притязаний на Венецию, и та по-прежнему остается под верховной властью Византии, которая формально назначает ее дожей, награждает их почетными званиями, в частности званием консула *(hypatos).* Но Венеция стремится к полной независимости, и практически ей это удается, ибо, будучи изолированной от остальной Италии, она избегает всех тех социальных и политических конфликтов, которые в скором времени начнут сотрясать Апеннинский полуостров.

На пути к независимости

Аньелло Партечако (Партечипацио), организовавший сопротивление венецианцев войску франков, в 810 г. становится дожем. Из Маламокко он переезжает на более безопасные острова Риальто и превращает свое жилище в правительственный дворец. Так начинается формирование нового политического, коммерческого и религиозного центра лагуны. Мелкие островки образуют единое целое, на них строят дома, в большинстве своем из бревен и крытые соломой, с двумя дверьми, одна из которых выходит на твердую землю, а другая — на воду.

В 829 г. дож Джустиниано Партечако, сын Аньелло, подписывает завещание, сохранившее для нас описание двух типов имущества, принадлежавшего этой семье. Это имущество недвижимое — дома, земли и «двор» как производственный центр (западный *curtis*), а также движимое — рабы, скот, железные и иные инструменты, — которое можно определить как собственность «каролингского» типа. Но в завещании также упоминаются пряности, драгоценности и, главное, монеты — солиды, значительные суммы которых вложены в морскую торговлю. Указанные в документе ливры являлись расчетной единицей, соответствующей имевшему хождение на Западе серебряному денье, деньгами же «работающими» были полновесные монеты — золотые византийские солиды. Таким образом, сохранившийся документ свидетельствует о давних торговых связях Венеции с византийским миром (Брауншгейн — Делор).

Согласно легенде, в 828 г., т. е. в год, предшествующий составлению завещания, два венецианских купца доставили из Александрии мощи святого Марка, спрятав их под свиными тушами; благодаря святым реликвиям корабль избежал ужасной бури, а в Венеции купцов радостно встретили патриарх Градо, епископ Оливоло и дож, тотчас повелевший построить возле своего дворца часовню, дабы упокоить там мощи святого. Отныне святой евангелист Марк становится чудесным покровителем Венеции, его поминают в молитвах и в битвах, а лев его горделиво красуется на знаменах, кораблях и государственных зданиях.

К концу первой трети IX в. Венеция в основном оформляется как самостоятельное государство. Во главе его стоит выборный дож, наделенный большими властными полномочиями; ему помогают два периодически переизбираемых трибуна, как и дож, выходца из высшей землевладельческой аристократии, вкладывающих деньги также и в торговлю. Управляемая подобным образом Венеция распространяет свое влияние на лагуну и соседние прибрежные территории материка, укрепляется на рубежах византийского мира, владений франков и славян. Наконец, она же становится посредником в торговле между

Константинополем и Западом.

Несмотря на опасность со стороны славянских пиратов, разбойничавших в Адриатическом море с тех самых пор, как на славянском побережье Адриатики появились первые далматинские поселения, и сарацинских корсаров, совершавших свои набеги из Сицилии и Бари, венецианцы благодаря своему флоту отстаивают — хотя и не без труда — собственное независимое положение между двумя империями. Разумеется, они не застрахованы от поражений: в 840 г. венецианский флот, насчитывавший шестьдесят кораблей, команда каждого из которых достигала двухсот человек, был разбит мусульманами из Таранто. Спустя два года венецианцы собирают вторую эскадру, не менее грозную, чем предыдущая.

Согласно пакту Лотаря от 840 г. (обновленной редакции мирного соглашения, подписанного между Византией и франками), венецианской территории, объединившей острова Риальто, Оливоло, Мурано, Маламокко, Кьоджу, Торчелло, Бурано, Читтанову, Каорле, Градо — *usque ad aquas salsas* (до самых соленых вод), — было предоставлено право на самоуправление. В документе перечислены города на материке, поддерживающие связь с венецианскими островами, а также торговые операции и виды хозяйственной деятельности с участием Венеции. Важная особенность: дож в этом соглашении уже не называется «смиренным герцогом провинции Венеция», а именуется «славным герцогом венецианским».

Еще один шаг на пути к независимости — чеканка собственной, венецианской монеты. Самые первые серебряные монеты с надписью «Венеция» имели на аверсе имена западных императоров. Однако примерно в 875 г. на реверсе появилась надпись *Christe salva Venecias* (Христос, спаси жителей Венеции), а та, что на лицевой стороне, призывала Господа хранить императора «римского», то есть главу Восточной Римской империи.

Появление собственной монеты также следует расценивать как признак экономического процветания Венеции. Венецианцы экспортируют на Восток ряд западных товаров (и среди них лес), а на Запад везут соль, рыбу, пряности и шелковые ткани.

Экономический подъем неразрывно связан с демографическим и политическим развитием. В 900 г. наряду с дожем (Пьетро Трибуно) назначают также судей *(judices),* представителей знатных семейств, чьи полномочия ограничивают власть главы государства.

В 899 г. венецианцы разбивают венгров, захвативших Читтанову, Альтино и окрестности Тревизо и Падуи. Тем не менее венгерская угроза продолжает существовать, и дож, уже упоминавшийся Пьетро Трибуно, приказывает соорудить крепостную стену от дворца Оливоло до Санта-Мария Дзобениго. Так начинает складываться «град Венецианский»: *Civitas Rivoalti,* а затем *Civitas Veneciarum* (город Риальто, а затем город Венеция).

В X в. Венеция выглядела примерно следующим образом: название Риальто тогда относилось к кварталам, или сестьере *(sestiere),* расположенным на одном берегу Большого канала (нынешний сестьере Сан-Марко и часть — Кастелло); в пределах, очерченных каналами Джудекка и Мурано, где извивается лента Большого канала, можно увидеть несколько часовен и церквей, Дворец дожей, более напоминающий крепость, и множество лепящихся друг к другу домов, часто с садиком; дома пока еще в основном деревянные, такие, как строились в Читтанове, на Маламокко, а затем на Торчелло и других островах. Особое положение Торчелло связано с тем, что в IX в. остров становится местопребыванием епископа, и, по словам одного из императоров Восточной Римской империи, «большим рынком»; вскоре, однако, начинается упадок Торчелло, и остров уступает свою роль новому центру.

Пока Венеция все еще юридически зависима от Византии, дожи продолжают предпринимать попытки создать настоящую правящую династию, которая смогла бы продержаться у власти долее, нежели два-три поколения. Среди знатных семей Партечако, Орсеоло и др., поставляющих во власть трибунов, чаще всего предпочтение отдается представителям рода Кандиано. Энергичные, напористые, члены этого семейства приходят к

власти в 932 г. Избранный дожем в 959 г., Пьетро Кандиано IV берет в супруги Вальдраду, сестру маркиза Тосканского, которая приносит ему в приданое обширные владения во Фриуле, а также в Тревизо и Ферраре. Оказавшись на вершине власти, он начинает вести себя как настоящий феодал, и в 976 г. народ свергает неугодного дожа, поджигает его дворец, а заодно и рядом стоящие дома, в том числе и базилику Сан-Марко.

На смену ему приходит Пьетро Орсеоло I, но правит он недолго — уже в 978 г., уйдя в отставку, отправляется в монастырь. За время своего пребывания у власти он успевает начать реконструкцию Дворца дожей и базилики Сан-Марко, золотые медальоны для которой заказывает в Константинополе; впоследствии, после неоднократного увеличения и переделок, ее запрестольный образ станет называться *Pala d'Oro* (Золотой алтарь).

Последние в уходящем веке дожи также не способны были навести порядок. Перемены начинаются только с приходом к власти избранного в 991 г. Пьетро Орсеоло II; его правление знаменует не только наступление нового, XI века, но и превращение Венеции в сильную державу.

Глава 2
Сильная держава

Прорыв

После нескольких десятилетий пребывания у власти клан Кандиано терпит поражение, и на пороге XI в. Венеция оказывается в состоянии кризиса — как внутреннего, так и внешнего.

Избранный в 991 г. Пьетро Орсеоло II, сын дожа Пьетро I (вышедшего в отставку в 978 г.), принадлежит к оппозиционной клану Кандиано фракции. Новый дож не только справляется с последствиями кризиса, но и дает качественно новый толчок развитию города. Крупный политик, дипломат и военачальник, что признано всеми тогдашними хронистами (одним из которых являлся ближайший соратник дожа, диакон Иоанн), Орсеоло реализует программу, охватывающую все сферы жизнедеятельности города: восстанавливает внутреннее согласие, обеспечивает признание Венеции со стороны Восточной и Западной империй, укрепляет влияние на Адриатике.

В 997 г. принимается закон, осуждающий подстрекательство к мятежу; закон этот отразил общее стремление к миру населения, уставшего от яростной борьбы между различными группировками, продолжавшейся на протяжении минувшего столетия. Видя, как патриарх Аквилеи стремится подчинить себе Градо, а епископы Тревизо, Беллуно и Ченеды — навязать свою юрисдикцию территориям, окаймляющим лагуну, Орсеоло последовательно отстаивает права и независимость своего духовенства, используя в качестве средств убеждения, например, такие, как прекращение поставок соли — в частности, он запретил продавать соль епископу Беллуно, пока тот не откажется от своих притязаний.

В 992 г. дож подписывает очередной договор с Западной империей, который, в отличие от предыдущего соглашения «между соседями», уже именуется соглашением «между народами». Данное двустороннее соглашение подразумевает признание особого статуса Венеции. В 996 г. Орсеоло добивается для венецианцев права строить склады и конторы на берегах Пьяве и Силе, гарантии свободного передвижения, а также освобождения от налогов, взимающихся на землях империи. В 1001 г., во время тайной встречи в Венеции с Оттоном III, дож убеждает императора снять с города бремя уплаты дани империи, но в то же время отказывается включить Венецию в орбиту интересов императора.

Устанавливает дож и тесные, доверительные отношения с Константинополем; его козырем является поддержка на море, которую венецианцы оказывают Византии. Об этом свидетельствует императорская Золотая булла (хризовул) 992 г., согласно которой венецианские купцы добиваются снижения ввозных пошлин и возможности решать свои

дела напрямую, в финансовых службах Константинополя. В свою очередь, Венеция обязуется перевозить солдат империи из Босфора на принадлежащие Византии территории в Южной Италии. Обязательство не из легких, однако оно подразумевает постепенное вытеснение имперского флота на Адриатике флотом венецианским и имплицитное признание могущества и влияния Венеции в этом регионе.

В 1000 г. дож отправляет военную экспедицию против славян Нарентаны (Наретвы), одерживает блестящую победу на море возле Зары и захватывает важнейшие пиратские базы в Курцоле и Лагосте, вынуждая пиратов отказаться от взимания дани с венецианцев. Таким образом, одержав ряд побед, дож Венеции устанавливает свою власть над большей частью далматинского побережья. Символом этой власти становится присвоенный дожу титул *dux Dalmatinorum* (дукс Далматинский). Успехи, достигнутые Венецией на Балканах, решено было отмечать ежегодно в праздник Вознесения специальным церковным действом, проводимым на море; новый обряд явился прообразом будущей церемонии «обручения дожа с морем».

Когда в 1002 г. средиземноморские арабы, с которыми у венецианцев был заключен ряд торговых соглашений, нападают на Бари и осаждают город, Орсеоло, пренебрегая достигнутыми договоренностями, отправляет экспедицию против сарацин и побеждает.

Дож умело лавирует между двумя империями; ему даже удается женить одного своего сына на племяннице константинопольского императора, а другого — на свояченице главы Западной Римской империи. После смерти Орсеоло в 1009 г. дожем становится его сын Оттон (тезка и крестник императора). В 1026 г. сына, во всем уступавшего отцу, изгоняют, и ему приходится искать пристанища в Константинополе. Однако падение клана Орсеоло нисколько не умалило его былой славы: «Они наметили направление, в котором надлежало следовать, исходя из необходимости поддержания добрососедских отношений с императором Западной империи и важности традиционного и столь полезного согласия с византийским Востоком для вящего развития морской торговли» (Тирье).

Политический курс, намеченный Орсеоло, продолжается и в последующие десятилетия. При Доменико Флабьянико (1032–42) в области внутригосударственного устройства постепенно исчезает практика назначения дожем своего соправителя и преемника. По утверждению одного из поздних венецианских хронистов, это скорее зарождение нового обычая, нежели провозглашение закона. Но как бы там ни было, отныне попыткам дожей установить наследственную власть приходит конец, и, соответственно, конец приходит клиентеле дожей в Венеции.

Доменико Контарини, избранный дожем в 1042 г., решает, что базилика Сан-Марко в том виде, в каком ее начал строить Пьетро Орсеоло, не соответствует масштабам города, и заказывает новый проект, образцом для которого становится собор Св. Апостолов в Константинополе. Для украшения будущего собора он приглашает из Равенны мастеров по мозаике и просит купцов, возвращающихся с Востока, везти в Венецию мрамор и скульптуры.

В рамках григорианской реформы и в результате раскола церкви продолжается борьба за влияние между патриархами Аквилеи и Градо. В 1053 г. папа Лев IX и римский синод признают сосуществование двух патриархий и, в соответствии с желанием дожа, права Градо. Однако дож отказывается признать верховенство папы над епископствами лагуны и венецианскими церквями.

В 1062 г. Контарини направляет новую победоносную морскую экспедицию в Далмацию и захватывает Зару (Задар).

Сменивший его на посту дожа Доменико Сельво в 1071 г. заключает соглашение с Западной империей, создающее благоприятные условия для торговли венецианцев в Северной Италии. Захват норманнами Роберта Гвискара Бари и Амальфи (1071), а затем и Салерно (1076) ставит под угрозу отношения Венеции с Византией, и тогда по призыву императора Алексея I Комнина дож посылает против норманнов свои войска; происходит ряд кровопролитных сражений, далеко не все из которых заканчиваются победой венецианцев;

так, поражение Сельво в 1084 г. при Корфу стоило ему поста дожа.

Пока идут сражения с норманнами, император константинопольский в 1082 г. издает еще одну Золотую буллу, согласно которой венецианцам предоставляются значительные привилегии. В частности, дожу присваивается титул протосеваста и назначается пожизненный пенсион *(года).* Венецианским купцам выделяются складские помещения и несколько набережных Константинополя, пекарня и причалы с прилегающей к ним территорией, а также дается разрешение беспрепятственно вести торговлю с целым рядом портов и населенных пунктов. Документ этот, по сути, одобряющий адриатическую политику Венеции, фактически признает автономию города по отношению к Восточной Римской империи. «Даровав в 1082 г. им (венецианцам) эту привилегию, император открыл для них все крупные порты Востока. С этого дня венецианские купцы вышли на мировую арену» (Диль). А в 1094 г. Витале Фальер получает титул *dux Croatiae* (дукс Хорватский).

В это же время происходит торжественное освящение собора Сан-Марко. Мощи святого, пропавшие во время пожара 976 г., чудесным образом нашлись в южном приделе нового здания и были захоронены в крипте. Случившееся чудо придает постройке известность как самого роскошного собора западного мира: великолепный храм — яркое свидетельство набожности, богатства и национальной гордости венецианцев.

Если в начале XI в. Венеция была всего лишь поселением, где проживали рыбаки и ремесленники, то к концу века она значительно увеличивает свои размеры и приобретает более высокий статус. У нее есть собственный двор, свои высшие сановники, собственная администрация и стоящий во главе города дож. Народ *(populus)* выбирает дожа на общем собрании, активно участвует в законодательной и правовой деятельности. Доминирующую социальную группу составляют члены «старых домов» *(case vecchie)* — Контарини, Орсеоло, Фальер, Бадоер, Микьель, Джустиниан, — владеющих обширными землями и постоянно инвестирующих средства в торговлю, а также принадлежащие к «новым домам» *(case nuove).* Торговые общества, создаваемые знатью (нобилями), именуются *rogadie и colleganze.* Учредители первых доверяют купцу товары, которые тот обязуется продать; создатели вторых объединяют капиталы и труд, прибыли делят пополам, а убытки пропорционально: две трети к одной.

После людей состоятельных *(primati)* ступенькой ниже на социальной лестнице располагается общественный слой, не имеющий своей корпоративной структуры, а именно мелкий люд, который, по словам одного чужеземного хрониста того времени, «не пашет, не сеет и не жнет», а живет исключительно морем.

Первый крестовый поход и взятие западными крестоносцами Иерусалима открывают для венецианцев новые перспективы.

Трудности и их преодоление

В начале XII столетия перед Венецией стояло немало проблем. В 1105 и 1106 гг. она пережила два сильнейших пожара. Первый уничтожил дома почти в шести приходах; второй — сотни жилищ и несколько церквей. Подъем воды заставил жителей Маламокко перебраться в Кьоджу, куда вместе с ними переместилась и резиденция тамошнего епископа. В 1116 г. немало домов и башен было разрушено в результате землетрясения.

На Адриатике честолюбивый венгерский король Кальман, обосновавшийся в Хорватии, принимается оспаривать у дожа титул дукса Далматинского. Власть его постепенно распространяется до самого побережья, в 1105 г. он входит в Зару, а в 1108 г. — в Трау (Трогир).

В 1111 г. Алексей Комнин предоставляет пизанцам ряд привилегий и квартал в Константинополе, пробивая тем самым брешь в исключительном праве венецианских купцов торговать с Византийской империей. А в 1118 г. император и вовсе отказывается подтвердить привилегии, полученные венецианцами в 1082 г. Таким образом, венецианские купцы впервые сталкиваются в восточной части Средиземного моря с конкурентами — пизанцами,

вышедшими на международную арену благодаря крестовым походам.

Известно, что 1-й крестовый поход, провозглашенный папой Урбаном II, вовлек в борьбу с неверными главным образом жителей королевства Франция и норманнов из Южной Италии. Генуэзцы, соседи провансальцев, также приняли в этом походе активное участие; их поддержка оказалась решающей, в частности, в 1097 г. во время взятия Антиохии.

Интересуясь прежде всего коммерческой стороной крестовых походов, венецианцы не сразу включаются в орбиту крестоносного движения, а только после того, как осознают, какие преимущества получили, побывав в Святой земле, их соперники-пизанцы. В 1099 г. венецианский флот под командованием дожа Витале Микьеля отплывает в Зару, а затем направляется к Родосу, где сталкивается с кораблями пизанцев. «Отправная точка в Эгейском море, откуда начинается путь в заморские страны», — так тогда называли Родос — остров, на котором крестоносцы создавали свои государства (Лэйн) и который находился под властью Константинополя. Впервые встретившись лицом к лицу, венецианцы и пизанцы вступили в бой, из которого венецианцы вышли победителями, захватив множество пленных; их вскоре отпустили под обещание (неисполненное) отказаться от торговли в восточной части Средиземноморья. Затем победители плывут вдоль побережья Киликии и в Мирах Ликийских завладевают мощами св. Николая, которые затем привозят домой и хоронят в церкви на Лидо. Достигнув берегов королевства Иерусалимского, они поступают на службу к его королю и помогают ему завоевать Хайфу и Яффу (1100).

В 1122 г. венецианцы снаряжают очередную военную экспедицию. По дороге они захватывают Корфу, грабят Лесбос, Самос и Родос. В 1123 г. наносят поражение египетскому флоту при Аскалоне, тем самым на время положив конец могуществу сарацин в восточной части Средиземного моря. В 1124 г. они участвуют в захвате Тира, сдавшегося только после продолжительной осады. В качестве вознаграждения за оказанные услуги они получают квартал в Акре и треть города Тира. Вскоре венецианцы создают свои поселения в различных городах Иерусалимского королевства; там они непременно сооружают церковь (чаще всего в честь святого Марка), мельницу, пекарню, бани и площадь; они пользуются освобождением от налогов, поборов и таможенных сборов, равно как и обладают привилегией на собственную юрисдикцию.

В 1114 г., сразу после смерти Кальмана, Венеция пытается взять реванш и отобрать у венгров ряд далматинских городов. В 1115–16 гг. она отвоевывает Зару и Шебенико (Шибеник) и, сохраняя местные институты, ставит их тем не менее под контроль венецианских «графов». В 1125 г. Венеция вынуждена вновь начать военные действия против венгерского короля Иштвана II и, отвоевав Спалато (Сплит) и Трау, превращает север Адриатики, по выражению одного из тогдашних картографов, в «Венецианский залив». Венецианский дож удостаивается титула *totius Istriae dominator* (владыка всей Истрии).

Византии необходима военная и экономическая помощь венецианцев, поэтому, несмотря на серьезные проблемы, возникающие между венецианскими купцами и греками, Венеция, согласно очередной Золотой булле 1126 г., полностью восстанавливается в своих правах. В 1148 г. новый императорский указ расширяет территорию венецианской колонии вдоль берега бухты Золотой Рог. Теперь венецианские купцы могут беспрепятственно торговать с Родосом, Кипром и островами Эгейского моря.

В 1141 г. маленький город Фано, расположенный на западном побережье Адриатики, обращается к Венеции с просьбой о покровительстве. Венеция признает жителей городка своими союзниками и подданными, и они получают статус граждан Венеции, а дож начинает именоваться *dominator in Marchia* (владыка провинции Марке).

На юге Адриатики венецианцы сталкиваются с амбициозным королем норманнов Рожером II. Поддержав выступление Мануила Комнина против короля норманнов, они в 1148 г. вновь отвоевывают остров Корфу, которым к тому времени успели овладеть их противники.

На материке город в лагуне вступает в конфликт с соседней Падуей, которая хочет развернуть воды Бренты, рискуя тем самым нарушить равновесие вод на побережье. В этом

локальном конфликте Венеция легко одерживает победу, хотя впервые для ведения войны на суше ей приходится призвать наемников.

Благодаря своей способности быстро реагировать и общей активности венецианцы в первой половине XII столетия весьма преуспели как в торговле, так и в организации внутренней жизни города.

Венеция активно развивает торговые отношения с Италией и Германией, ввозя туда с Востока шелка, пряности, хлопок, сахар, духи и драгоценности; из Европы на Восток венецианцы везут лес, железо и медь; также, к великой своей выгоде, они устанавливают торговую монополию на соль. «Превратившись в настоящий склад восточных товаров у порога Италии и Германии, Венеция процветает, извлекая из своего положения прибыль для себя и необходимую пользу для других» (Тирье).

В начале XII в. венецианские купцы создают новые объединения, более приспособленные для развития экономического ареала, раскинувшегося от Сирии до венецианской Романии[1] и от Греции до Египта, где теперь они играют ведущую роль. Это так называемые «компании», образованные двумя или более партнерами, каждый из которых вносит свою долю капитала; партнеры работают сообща, поддерживая друг друга, и делят доходы и убытки пропорционально денежному вкладу каждого.

Символом морского могущества становится основанный в 1104 г., в период правления дожа Орделафо Фальера, государственный Арсенал, расположенный на двух болотистых островах под названием Дземелле (Близнецы) на востоке архипелага. Именно здесь постепенно складывается важный военно-промышленный комплекс, включающий в себя судоверфи, кузницы, оружейные склады и различные мастерские, здесь будут рождаться наиболее рациональные проекты торговых и военных судов.

В политическом плане дож по-прежнему сохраняет всю полноту власти, и поведение его ничем не отличается от поведения истинного государя. В отсутствие дожа его чаще всего замещает сын: он осуществляет правление и командует флотом. Члены семьи дожа нередко отправляются с поручениями за границу. Дож часто выдает замуж своих дочерей или женит сыновей на королевских или княжеских детях.

Однако с течением времени власть постепенно переходит к «некоему абстрактному субъекту, именуемому Государством» (Дзордзи). С одной стороны, патриарх, епископы и аббаты перестают принимать участие в политических делах: так намечается одна из основных составляющих венецианской политики — отделение церкви от государства. С другой стороны, в 1143 г. создается Совет мудрецов, отбираемых среди аристократической верхушки *principes* или *nobiliores:* не исключено, что совет этот избирался народом *(populus),* который, передав ему часть своей власти, довольствуется одобрением его решений; во главе совета стоит дож. Затем создается еще один, «малый» совет, члены которого также избираются из среды нобилей. Таким образом, начинается массированное наступление, имеющее целью ограничение власти дожа и парламента *(arengo).* В 1147 г. прибывшие в Константинополь венецианские послы говорят уже от имени дожа и «всей Коммуны».

После уже упомянутых нами пожаров, нанесших огромный ущерб прежде всего потому, что дома горожан были деревянными, начинается реконструкция города: теперь дома в большинстве своем сооружаются из кирпича и камня, доставляемого из Истрии. Центром города становится квартал Сан-Марко, куда стекаются основные потоки инвестиций. В начале века строятся церкви Сант-Аньезе и Сан-Джованни Деколлато; в последней сохранились колонны с византийскими капителями и византийские же фрески. Но Венецию по-прежнему не спутаешь ни с каким другим городом: «Стоит только вспомнить о шестидесяти церквях, огромном количестве домов и одновременно об окружающих их болотах, причудливо сочетающихся с садами и виноградниками в самом центре города, и вы

1 Романией (Romanie) автор именует заморские владения Венеции на Балканах и островах в омывающих Балканский полуостров морях. — *Здесь и далее примеч. пер.*

получите впечатляющую картину этого необыкновенного микрокосмоса, где не только торговали, подписывали контракты и строили корабли, но и выращивали виноград и овощи, ловили рыбу и даже охотились» (Дзордзи).

Трудности во внешних сношениях и внутренние проблемы

Во второй половине XII в., в период между выборами дожа Витале Микьеля II и 4-м крестовым походом (1204), Венеция сталкивается во внешних сношениях с рядом серьезных трудностей, возникших из-за вторжения в Италию императора Фридриха Барбароссы, враждебного отношения византийских императоров и мятежей в Далмации.

Желая вернуть Западной Римской империи ее былое величие и утраченный блеск, Фридрих Барбаросса стремится усилить свое влияние в Германии, а затем и в Италии в противовес власти пап. Заботясь, как известно, прежде всего о своих морских предприятиях и связывая свои интересы более с морем, нежели с континентом, Венецианская республика в конфликте между папством и империей и в борьбе, столкнувшей на полуострове гвельфов и гибеллинов[2] (две «партии», которые, в сущности, таковыми не являлись), с самого начала пытается сохранить нейтралитет. В 1155 г. Венеция вновь получает подтверждение своих торговых привилегий в имперских государствах. А в 1159 г. она выступает на стороне папы Александра III против антипапы Виктора IV (Октавиана де Монтичелло), поддерживаемого Фридрихом. Город принимает у себя кардиналов и прелатов, сохранивших верность папе Александру.

Когда в 1162 г. войска императора захватывают Милан, Феррара, Падуя и Верона нападают на Венецию, стремясь отрезать ее от материка. Воспользовавшись обстоятельствами, патриарх Аквилеи снаряжает экспедицию против Градо. Однако экспедицию ждет скорый и бесславный конец: на помощь городу приходит венецианский флот, венецианцы захватывают патриарха и его людей.

В 1167 г. Республика оказывает финансовую поддержку Ломбардской лиге, выступившей против империи; для этого делается заем у двенадцати богатейших венецианских граждан, в том числе и у двух будущих дожей — Себастьяно Дзиани и Орио Малипьеро.

После состоявшейся в 1176 г. битвы при Леньяно, где городское ополчение одержало победу над императорскими войсками, Венеция выступила посредницей в начатых противниками переговорах. В июле 1177 г. в Сан-Марко произошло примирение папы и императора, в результате чего император согласился признать главенство папы: «Мир, с великой пышностью заключенный в Венеции, свидетельствует о том, какое важное место отныне занимает этот город не только в Италии, но и во всем мире» (Ренуар).

За поддержку папы и кардиналов из числа его сторонников, за помощь Ломбардской лиге, а также и за участие в 1172 г. в походе императора против Анконы Республика получает существенные выгоды: отныне папа наделяет патриарха Градо (фактически проживавшего в Венеции) неоспоримой властью над всеми общинами лагуны, Истрии и Далмации; венецианские купцы получают свободу перемещения, охранные свидетельства и полное освобождение от уплаты дорожных пошлин на всей территории Итальянского королевства; наконец, император признает независимость Республики. «Подвластная только Господу», — как выразился анонимный хронист, автор *De Veneta pace* («О венецианском мире»), — Венеция, эта уединившаяся среди вод столица независимого государства, граничащего с Адриатикой, в глазах папы и императора наверняка казалась идеальным местом для проведения дипломатической конференции; притягательная сила города, отныне ставшего престижным финансовым и торговым центром, несомненно, также сыграла в этом деле свою

2 Гибеллины (Ghibellini) — политическая группировка в Италии XII–XV вв., поддерживавшая германских императоров в их борьбе с папством и его сторонниками — гвельфами за господство на Апеннинском полуострове.

роль» (Дзордзи).

На Востоке же, напротив, напряженность в отношениях между Константинополем и Венецией продолжает нарастать. Византийский император, предоставивший генуэзцам (1157) привилегии и целый квартал в Константинополе, теперь, при поддержке Анконы, конкурента Венеции на Адриатике, пытается вновь закрепиться в Далмации и создает герцогство в Спалато. В 1171 г. император Мануил приказывает изгнать из Византии всех венецианцев и конфисковать их имущество и корабли. Главной мишенью его гнева — и не без основания — становится венецианская колония, обитателей которой местное население обвиняет «в наглом выставлении напоказ своих богатств и преуспеяния, а также в пренебрежительном отношении к власти императора». В ответ на такой удар дож Витале Микьель организует морскую карательную экспедицию и сам становится во главе ее; однако из-за начавшейся эпидемии предприятие терпит неудачу. Вернувшись, дож сталкивается с враждебным отношением к нему соотечественников, пытается бежать, но безуспешно: в мае 1171 г. его убивают.

В 1179 г., столкнувшись с крупными трудностями в Италии и Малой Азии, Мануил освобождает своих венецианских узников и возвращает им деньги и имущество. В 1182 г., при Андронике Комнине, преемнике и родиче Мануила, в Константинополе происходит массовая резня латинян, основными жертвами которой становятся пизанцы и генуэзцы, чье присутствие в Византии в то время было более многочисленным, нежели присутствие венецианцев. Но уже в следующем году между Венецией и Андроником намечается сближение.

В 1187 г. предполагалось заключение соглашения между Республикой и императором Исааком Ангелом, свергнувшим Андроника и занявшим престол; соглашением этим предусматривалось право императора в случае нападения на Византию располагать военными галерами, находящимися под командованием венецианцев. Это несомненное признание могущества морского флота новой Венеции.

Наконец, в 1198 г. Алексей III, свергнув с престола и бросив в тюрьму своего брата Исаака, подписывает Золотую буллу, где указаны области империи, открытые для венецианских купцов, а также даруемые этим купцам юридические гарантии. Несмотря на продолжающиеся заявления о том, что венецианцы являются подданными императора и обязаны доказывать ему свою верность, дож перестает носить звание протосеваста, демонстрируя таким образом независимость свою и Республики.

Неопределенность, царившая в отношениях между Венецией и Византией, удары, которыми время от времени обменивались стороны, ярко отразились в бурной биографии венецианского купца Романо Майрано, на протяжении всей своей одиссеи не утратившего ни присутствия духа, ни предприимчивости. Потомок благородного семейства, недавно обосновавшегося на берегах Большого канала, в 1153–54 гг. Майрано отправляется в Константинополь. Он возвращается туда через год с грузом древесины, обустраивается, организует торговлю со Смирной, а затем с Акрой и Александрией. Разбогатев, в 1164 г. возвращается домой. В 1166 г. Майрано опять селится в Константинополе и возобновляет прежнюю торговлю, теперь у него уже есть собственные корабли. Когда в 1168 г. отношение к венецианцам там ухудшается и дож приказывает всем своим соотечественникам покинуть пределы империи, Майрано возвращается на родину. Через некоторое время он вновь прибывает в Константинополь. Утопающая в роскоши и славящаяся утонченностью нравов византийская столица, где в тот период всем заправляет коррумпированное и неэффективное правительство, переживает экономический кризис. Майрано становится жертвой мятежа и осады венецианского квартала, однако ему удается бежать.

В Венецию он возвращается практически разорившимся и неспособным оплатить свои долги. В 1174 г. он снова выходит в море, но на этот раз путь его лежит в Александрию: вместе с братом он организует торговое сообщество, куда брат вложил две трети необходимого капитала. В 1177 г. Майрано строит новый корабль и ведет его в Акру и Александрию; полученные прибыли позволяют ему наконец расплатиться с кредиторами.

Спустя три года он на время возвращается в Константинополь, а затем обустраивается на постоянное жительство в Египте, где и умирает в 1191 г.; к этому времени он уже владел крупной недвижимостью, а также являлся членом коммандитного товарищества — компаньоном своих сыновей.

Опасности по-прежнему подстерегают Венецию на море и на восточных берегах Адриатики. При поддержке венгров далматинские поселения неоднократно делают попытки избавиться от венецианского гнета. В 1170 г. флот Республики подавляет мятеж в Заре. Но в 1180 г. даже двум экспедициям, посланным против мятежников, не удается овладеть городом. В 1196 г. в Заре и Рагузе вновь вспыхивает мятеж, организаторы которого обращаются за помощью к Пизе, Анконе и норманнам.

Важные институционные реформы, осуществленные Венецией на протяжении второй половины XII в., были определенным образом связаны с трудностями, с которыми республике пришлось столкнуться на международной арене.

В 1171 г., после убийства дожа Витале Микьеля, народное собрание создало комиссию из одиннадцати человек, уполномоченных выбрать дожа. Через некоторое время город был поделен на шесть сестьере: Кастелло, Канареджо, Дорсодуро, Луприо, Сан-Марко и Сан-Поло. Большой совет численностью в сорок человек формирует новый электорат дожа. Таким образом, «плебисциту при избрании дожа положен конец; договариваются также, что дож не имеет права являться сторонником какой-либо группировки; теперь, в тишине и уединении, дожа избирают сорок выборщиков и затем сообщают о своем выборе народу» (Тирье). В 1178 г., во время выборов Орио Малипьеро, был создан Малый совет, состоявший всего из шести членов, по числу сестьере.

Постепенно возникают новые магистратуры, избираемые на определенные сроки: финансовые (казначеи и прокураторы Сан-Марко), юридические (где представителем государства выступает один из адвокатов Коммуны, имеющий право от его имени выдвигать обвинения и отстаивать его права) и административные.

В 1192 г., после отречения Малипьеро, новоизбранный дож Энрико Дандоло впервые произносит присягу дожа (*promissio domini ducis).* На Евангелии он клянется исполнять все обязанности, связанные с этой должностью, а именно: блюсти законы и поступать честно и без обмана; выслушав стороны и судей, выносить приговор по совести; не принимать ни даров, ни подарков; не состоять в личной переписке ни с папой, ни с иными государями; следить за исполнением решений советов.

Таким образом, если до сих пор дожи старались осуществлять единоличное правление, то теперь они становятся просто первыми лицами государства. Они окончательно утрачивают свои монаршие прерогативы, давно уже превратившиеся в чистый символ, приносят присягу на верность Республике и становятся ее полномочными представителями. Их власть ограничена и находится под жестким контролем со стороны граждан-магистратов, призванных исполнять обязанности, возложенные на них избирателями.

Как мы уже видели, год 1177-й является примечательной датой в истории возвышения Венеции, владычицы, кокетничающей с обоими повелителями Западного мира. К этому времени площади Сан-Марко и Пьяццетта обретают новый облик (дома с портиками по бокам, колоннада возле мола, привезенная Витале Микьелем из его злосчастной поездки на Восток); в период правления дожа Доменико Морозини (1147–56) завершается строительство колокольни собора Сан-Марко. На Риальто, там, где папа Александр III освятил три церкви, открываются многочисленные лавки и служба мер и весов, а через Большой канал устанавливается первый плавучий мост, который, раздвигаясь, может пропускать корабли большого водоизмещения.

Глава 3
Золотой век

Четвертый крестовый поход

Испытывая неимоверные трудности, Иерусалимское королевство с трудом отражало натиск мусульман; в 1187 г. христиане потеряли Иерусалим, а следом Акру и Лаодикею. Венеция не слишком рьяно откликнулась на призыв папы, организовавшего 3-й крестовый поход (1189–90), результаты которого поистине оказались ничтожными. Венецианцы довольствовались перевозкой войск, доставляя их под стены Тира, в то время как их соперники — пизанцы и генуэзцы — отличились при обороне Тира и отвоевании Акры.

Но когда начались приготовления к 4-му крестовому походу, равнодушие венецианцев словно волной смыло. 15 августа 1198 г. папа Иннокентий III издал энциклику, обратившись в ней ко всем христианам с призывом участвовать в отвоевании святых мест. Отвечая на призыв, франкские рыцари вступали в крестовое воинство, и в следующем году часть из них прибыла в Венецию, в Лидо, чтобы затем сесть на корабли. По соглашению, заключенному в феврале 1201 г., венецианцы обязались предоставить корабли, необходимые для перевозки в Святую землю 4,5 тыс. лошадей и рыцарей, 9 тыс. оруженосцев и 20 тыс. пехотинцев.

В 1192 г. преемником Малипьеро стал изощренный знаток византийского Востока дож Энрико Дандоло; и хотя Дандоло был уже в летах и почти слепой («глаза его были красивы, но незрячи, ибо он потерял зрение вследствие ранения в голову», — рассказывает французский очевидец экспедиции, чьи слова дошли до нас в пересказе французского хрониста Жоффруа де Виллардуэна), но благодаря своей прозорливости и недюжинной энергии он сумел сыграть важнейшую роль в этом новом крестовом походе. Чтобы заставить крестоносцев, в большинстве своем совершенно безденежных, заплатить за проезд, он решает взять ипотечный кредит под их будущие завоевания и сам принимает участие в предприятии, чтобы было сподручнее защищать интересы своих сограждан.

Первая остановка намечалась в Заре; но, когда город отказался впустить крестоносцев, те подвергли его осаде и разграблению; случилось это в ноябре 1202 г. Армия крестоносцев осталась зимовать на Балканском побережье Адриатики; вскоре туда прибыл Алексей, сын Исаака Ангела, свергнувший с трона Алексея III, и стал просить крестоносцев не только от себя, но и от имени Филиппа Швабского (сына погибшего в Святой земле Барбароссы) поддержать его в борьбе за восстановление на византийском престоле его отца и его семьи. Алексей обещал крестоносцам в награду за это оружие и деньги, чтобы они смогли продолжить свой путь и личное участие в этом деле, к тому же он гарантировал свое содействие в объединении церквей Востока и Запада, о чем по-прежнему продолжали мечтать многие.

Соглашение было достигнуто, и весной 1203 г. крестоносное воинство двинулось к Константинополю; в конце июня впереди показались стены византийской столицы. «И знайте, что многие из смотревших на Константинополь, — пишет Виллардуэн, — доселе его не видели и даже помыслить не могли, что может быть в мире столь богатый город; и вот увидели они сии высокие стены и богатые башни, ограждавшие город… и эти роскошные дворцы и высокие церкви… И знайте, что не нашлось столь бесстрашного человека, кто не затрепетал бы при сем зрелище, и то было вовсе не удивительно, ибо с тех пор, как создан мир, ни один человек не предпринимал еще столь великого дела»[3].

После многочисленных сражений византийцы были побеждены, и 17 июля город был взят. Исаак Ангел и его сын вернулись на престол, однако, не обладая реальной властью, они, несмотря на всю свою дипломатию, не в состоянии были выполнить обязательства перед союзниками, а потому вскоре их смела новая сила. Воплощением греческого сопротивления латинянам стал Алексей Дука Мурзуфл; он убил Исаака и провозгласил себя императором Алексеем IV.

Тем временем франки и венецианцы договариваются о захвате Константинополя и всей

3 Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. / Пер. О. Смолицкой. — Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984, с. 76.

Византийской империи. 12 апреля 1204 г. и в последующие дни начинается жесточайшее разграбление города, о чем свидетельствует хроника византийца Никиты Хониата: «Не ведомо мне ни как построить мой рассказ, ни как его начать, ни как продолжить или же завершить. При звуках труб они (крестоносцы), обнажив мечи, бросились грабить дома и церкви… Словно дикие звери, насиловали они женщин, не щадя ни невинных дев, ни монахинь, посвятивших себя Господу… Все жители города пребывали в отчаянии, отовсюду неслись только крики, плач и стоны». Среди добычи, на которую претендовали венецианцы, было и четыре бронзовых позолоченных коня с константинопольского ипподрома; сегодня их копии украшают фасад собора Сан-Марко.

Одержав победу, франки и венецианцы приступают к дележу империи. 9 мая комиссия из двенадцати человек, половина которых — венецианцы, императором избирает Бодуэна Фландрского; дож Венеции предусмотрительно отказался от столь почетного титула. Через неделю Бодуэн коронуется в соборе Св. Софии. Под его началом будет находиться четвертая часть империи, а остальную территорию поделят между собой крестоносцы, в числе которых возглавивший экспедицию Бонифаций Монферратский и дож Энрико Дандоло, представляющий Венецию.

Так венецианцы становятся хозяевами значительной части Константинополя, береговой полосы Ионического моря, островов, образующих *Dominium Adriae* (Адриатические владения), Пелопоннеса, Киклад, Галлиполи и Родосто. Сам Энрико Дандоло покупает у маркиза Монферратского остров Крит, который станет его личным выигрышем. «Бывшая прежде частью византийского мира, Венеция становится полностью независимой, хозяйкой значительной части империи» (Ренуар). Дож, уже имевший титул дукса Венецианского, Хорватского и Далматинского, теперь становится также повелителем четверти с половиной Латинской империи, т. е. большим властелином, чем сам новоизбранный император, ибо он лично владеет тремя восьмыми империи.

На деле же Венеция поступила мудро и ограничилась оккупацией только основных пунктов: Дураццо в Эпире, городов Корон и Модон на юге Мореи, Крита и Негропонта (о. Эвбея). Остальные доставшиеся ей земли она раздает в ленное владение своим патрициям, чтобы те управляли ими и заботились об их сохранности. Так, Марко Санудо за десять лет завоевывает Кикладские острова и основывает на них герцогство Архипелаг, в то время как остальные его сограждане обустраиваются на наиболее значимых островах Эгейского моря. И, как мы увидим далее, Венеция наконец создает свою колонию на Крите.

Мастерский ход Дандоло (ум. 1205 г.) превратил Венецию в «подлинную колониальную империю Средневековья» (Тирье), просуществовавшую почти два столетия. Умело управляемая и разумно эксплуатируемая, она обеспечивала городу в лагуне доступ к азиатским товарам и безопасность морских перевозок или же, если сформулировать кратко, господство в восточной части Средиземноморья.

Империя

Поддерживать свое владычество на этой огромной и удаленной территории (путь от Венеции до Кандии занимал четыре недели, от Венеции до Константинополя — шесть) и защищать ее пределы станет для Венеции, как мы это увидим, задачей не из легких. Однако венецианцы продолжают насаждать в колониях свою администрацию, деятельность которой приносит метрополии огромную пользу. Ее чиновники на местах обязаны руководствоваться двумя принципами: регионализмом и централизмом.

В целом власть Республики в венецианской Романии была представлена «управлением» *(regimen),* иначе говоря, постоянным коллегиальным органом исполнительной власти, во главе которого стоял байло (балпо), или ректор. Высшие чиновники (непременно венецианцы), избираемые на два года, являлись бывшими членами Большого совета или же Сената Венеции. Они соблюдали «договор» *(commissio)* , определявший их полномочия и жалованье, а по возвращении на родину представляли отчет о своем управлении вверенной

им территорией. Из центра в колонии направлялись специальные комиссары, именуемые «синдиками Левантийских земель» *(sindaci ad partes Levantis),* для контроля за деятельностью местных властей и для выслушивания возможных жалоб со стороны жителей.

Байло, присылаемый в Константинополь, обычно уроженец знатнейшего венецианского семейства, имеющий при себе двух помощников (советни-ков) и небольшую ассамблею из двенадцати благородных венецианцев, постоянно проживающих в городе, становится представителем Республики в венецианской Романии. Также он управляет отведенным венецианцам кварталом в Константинополе и пользуется непререкаемым авторитетом при решении вопросов, касающихся поселений восточного Средиземноморья и Черного моря.

Пути из Венеции, ее заморских владений и Египта пересекаются на Крите; этот остров, обладающий большой протяженностью, богатейшими природными ресурсами (зерно, оливковое масло, вино) и многочисленным населением (около 150 тыс. жителей), венецианцы заселяют последовательно, поэтапно (1211, 1222, 1233, 1252 гг.). Десять тысяч колонистов, прибывших на Крит из всех шести сестьере метрополии, продолжают сохранять административную систему, принятую у них на родине. Вступив во владение земельными наделами, они начинают защищать свои поселения от внешних и внутренних врагов. Во главе поселенцев стоит дукс и два советника, избираемые Большим советом, а также собрание, состоящее из трех сотен патрициев и чиновников, отвечающих за финансы, отправление правосудия и армию.

Однако спокойствию заморских владений Венеции постоянно угрожают противники, а порой даже союзники — греки, все менее склонные терпеть присутствие латинян на своей земле, генуэзцы и позднее турки.

Изгнанный в Никею Михаил VIII Палеолог в марте 1261 г. подписывает соглашение с генуэзцами, обещая им за поддержку финансами и кораблями торговые и налоговые привилегии, которые до сих пор обычно предоставлялись Венеции. В июле, воспользовавшись отбытием венецианского флота, капитан армии Палеолога внезапно атакует Константинополь и добивается успеха. Пятнадцатого августа Михаил VIII вступает в город и через месяц там коронуется. Латинской империи приходит конец. Венецианский квартал разрушен, а сами венецианцы утрачивают свои позиции в этих краях. Их место занимают генуэзцы; именно они получают исключительное право вести торговлю на Черном море.

Желая восстановить прежнее положение, в последующие десятилетия Венеция прибегает то к переговорам, то к силе.

От византийского императора, чья власть по-прежнему не имеет под собой опоры и который ценит генуэзцев не больше, чем их предшественников-венецианцев, Республика добивается в 1265, 1285 и 1302 гг. Золотых булл, на основании которых ей постепенно возвращают прежние привилегии: квартал в Константинополе, освобождение от таможенных пошлин, свободу торговли и беспрепятственный выход в Черное море.

В июле 1281 г. Венеция, желая возродить Латинскую империю, заключает союз с Карлом I Анжуйским, однако антифранцузское восстание, получившее название «Сицилийской вечерни» (1282), разрушает эти планы.

Венеция четырежды вела войну на море с Генуей: в 1261–70, 1294–99, 1351–55 и 1377–81 гг. Конфликты чередовались с перемириями и мирными соглашениями, которые для обеих сторон означали также временное признание сфер влияния друг друга. Для Венеции эти военные действия оборачивались несколькими разгромными поражениями венецианского морского флота: при Ладжаццо (1294) и при о. Курцола, где венецианцев разбили вблизи берегов Далмации (1298). В августе 1379 г. генуэзский флот даже захватывает Кьоджу, однако в июне следующего в результате великолепно подготовленного штурма венецианцы вынуждают своего противника сдаться. В 1381 г. в Турине было подписано мирное соглашение.

В борьбе со своим соперником, грозной, но разобщенной и не обладающей национальным самосознанием морской державой, Венеция в конечном счете всегда

одерживает победу — благодаря сплоченности ее жителей и пониманию ими своего гражданского долга. В 1386 г. Венеция окончательно захватывает Корфу; в 1393-м она присоединяет к своим владениям *(Dominio da mare)* Лепанто, а затем Афины (1394–1408) и Скутари (Шкодер) (1395).

В условиях все возрастающего натиска турок Светлейшая вместе со всем христианским миром принимает участие в оказании отпора неверным, но при этом старается сохранить все свои позиции; прекратив переговоры с турками, она отказывается платить им налоги и дань. Но если в 1416 г. венецианский флот одерживает победу над флотом Османской империи при Галлиполи, то в 1430 г. турки захватывают Салоники, а в 1444-м одерживают блистательную победу в Варне, на Черном море. В 1452 г. в результате победоносного наступления турки захватывают Константинополь; в 1458 г. они овладевают Коринфом, а в 1470-м — Негропонтом.

Подписав в 1479 г. мир с Блистательной Портой, Венеция, однако, завершает XV столетие очень удачным приобретением: ей достается Кипр — остров, богатый солью, хлопком, сахаром и вином, перевалочный пункт между Западом, Малой Азией и Египтом, где к этому времени уже имелась большая колония венецианцев. Катерина Корнаро, представительница знатного патрицианского семейства, вдова короля Иакова Лузиньянского, в июне 1489 г. отрекается от власти в пользу Светлейшей. В феврале следующего года египетский султан признает Кипр собственностью Венеции.

Восточные владения имеют для Венеции необычайно важное значение, поэтому она столь яростно и отважно устремляется на их защиту. В самом деле, именно они открывают и облегчают ее купцам доступ к великим торговым центрам, служат перевалочным пунктом на пути в Крым, Малую Азию и Египет, а также являются изобильной продовольственной базой, откуда, в частности, поступают зерно, вино и оливковое масло.

Венецианские путешественники: Марко Поло и другие

Ярким свидетельством венецианской экспансии является более или менее вымышленная одиссея Марко Поло, купца, ставшего *a posteriori* [4] одним из самых знаменитых венецианцев.

Но сначала факты. В 1253 г. венецианские купцы Маттео и Никколо Поло отправляются в Константинополь. Оттуда путь их лежит в Бухару, где они встречаются с монгольским великим ханом Хубилаем, который дает им посольское поручение к папе римскому. До Венеции они добираются только в 1269 г.

Через два года, дождавшись избрания папы Григория X, они отправляются с его посланием в новое путешествие, на этот раз взяв с собой племянника Марко, которому в ту пору было пятнадцать лет. Из Ладжаццо (Аяс) они, пройдя Анатолию и Армению, выходят к Персидскому заливу. Затем они доходят до Памира, пересекают пустыню Гоби и через Су-Чжоу вступают в Китай. В 1275 г. они добираются до Ганьчжоу, местопребывания Хубилая. Вместе с ним они затем идут в его столицу Ханбалык (Пекин). Получив от хана дипломатические и административные поручения. Марко отправляется в путешествие по стране, оставив занятие коммерцией своим родственникам.

В свите монгольской принцессы, направлявшейся в Персию, члены семьи Поло возвращаются в 1291 г. домой через Восточную и Южную Азию и в 1295 г. прибывают в Венецию, где 8 января 1324 г. Марко умирает, оставив своим детям солидное наследство, в котором преобладали ценные предметы, собранные им, скорее всего, за время почти двадцатипятилетних странствий за пределами Венеции.

Однако известность Марко Поло имеет иной источник. В 1298 г., сидя в генуэзской тюрьме, куда он попал в качестве пленного, взятого в морском сражении венецианцев с генуэзцами (вероятно, неподалеку от Курцолы), он встречает пизанца Рустикелло, создателя

4 Здесь — впоследствии (лат.).

рыцарских романов в духе сказаний о короле Артуре. Вместе они пишут на наиболее распространенном в то время на Западе языке ойль (старофранцузском) книгу «О разнообразии мира» («Книга чудес»).

Книга состоит из обширного пролога, за которым следует рассказ о двух путешествиях братьев Поло и их племянника Марко. Однако не в форме последовательного изложения всего, что случилось с путешественниками за время их странствий, а в виде эпизодов, повествующих о «диковинках», которые им довелось увидеть, или рассказов, которые они услышали или прочли. Все события, изложенные в книге, происходят в том мире, который воображение средневекового человека наполнило чудовищами и всякими чудесами. Тем не менее на ее страницах можно найти немало верных наблюдений, сделанных в различных городах и селениях Дальнего Востока: описание климата, растений, животных, пищи, природных ископаемых (упоминается даже нефть), нравов и занятий населения. Вот, к примеру, что говорится о Пекине: «Ни в какой другой город на свете не свозится столько дорогих и богатых вещей. Скажу вам прежде всего, что привозится из Индии: везут сюда драгоценные камни, жемчуг и всякие другие дорогие вещи. Все хорошие и дорогие вещи из Китая и других областей привозят сюда…. Потому что свозят сюда, как я вам рассказывал, самые богатые вещи, самой дорогой цены, да в таком обилии, как ни в какой другой город на свете; много здесь товаров продается и покупается. Каждый день, знайте, приезжает сюда более тысячи телег с шелком; ткутся тут сукна с золотом и шелковые материи…»[5]

И хотя книга «О разнообразии мира» проникнута восторженным духом исследователя, открывающего для себя новый мир, сказочный и реальный одновременно, автор его тем не менее остается прежде всего моряком, внимательно приглядывающимся к кораблям, портам, речным судам; не забывает он и о своей основной «профессии» — как и подобает купцу, он стремится «все посчитать», отчего книга буквально кишит всевозможными цифрами (Хеерс). Вместе с тем книга Марко Поло — это прежде всего литературное произведение, адресованное не столько венецианцам, сколько придворной публике, исполненной любопытства к неведомому сказочному миру.

Марко Поло, «один из самых первых и самых великих путешественников западного Средневековья» (Браунштейн-Делор), оставил грядущим поколениям книгу из тех, что побудили генуэзца Христофора Колумба отправиться в свое великое плавание. «Живя в XIII в., он открыл Китай; мертвый, в XV в., он открыл Америку» (Пауэр).

Однако у себя на родине Поло был не единственным путешественником. В Венеции у него нашлось множество последователей. Около 1290 г. Никколо и Антонио Дзено совершают плавание к Ньюфаундленду, Гренландии и Исландии. Между 1424 и 1449 г. Никколо Конти пересекает Южную Азию, посещает острова Индийского океана, Суматру, Яву и Южный Китай. В 1445–46 гг. Альвизе Кадамосто по приказу португальского инфанта отправляется исследовать берега Африки до устья Гамбии. Из своих путешествий он привозит отчет, поражающий точностью. В 1473 г. Амброджо Контарини, посетивший вместе с одним своим соотечественником Эфиопию и Персию, составляет описание этих стран.

В 1553 г. мемуарист Рамузио, секретарь Сената, а затем Совета десяти, собрал многочисленные рассказы о путешествиях в одну книгу, дополнив их описаниями великих морских подвигов Республики, что обеспечило ей быстрый и всеобщий успех.

Моряки и купцы

Возможность совершать путешествия, о которых мы рассказали выше, подразумевает наличие современной и эффективной экономической инфраструктуры, которую постепенно удалось создать венецианцам в своем государстве.

В речи, произнесенной в 1423 г. дожем Томмазо Мочениго незадолго до его смерти, подведены блестящие итоги развития венецианской экономики того времени: «Наш город

5 Поло Марко. Книга Марко Поло. / Пер. И. Минаева. М., 1955, с. 118–119.

вкладывает в торговлю 10 миллионов дукатов; наши купцы ведут дела по всему миру, перевозят товары на судах, кораблях и галерах, и доход от перевозок составляет 2 миллиона дукатов, а прибыль, проистекающая из разницы между вложенными капиталами и валовым доходом, составляет 4 миллиона дукатов. Известно, что по морям плавает 3 тысячи наших больших судов водоизмещением от 10 до 200 амфор, экипаж которых составляет 17 тысяч человек; еще у нас плавает 3 тысячи небольших кораблей, экипаж которых составляет 8 тысяч человек. Известно также, что каждый год у нас в море выходит 45 галер, как больших, так и малых, и экипаж на них насчитывает 11 тысяч человек; у нас работают 3 тысячи корабельных плотников, 3 тысячи конопатчиков, 16 тысяч ткачей, что ткут шелк, сукно и бумазею. А еще известно, что у нас построено домов на сумму в 7 миллионов 50 тысяч дукатов; сдача жилья внаем приносит доход в 500 тысяч дукатов; тысяча нобилей имеет ежегодный доход от 700 до 4 тысяч дукатов…»

Поэзия цифр, воспевающая триумф венецианского богатства. Далее в своей речи, явившейся, в сущности, его завещанием, Мочениго говорит о тех торговых путях, перекрестком которых стала Венеция.

Действительно, страны Запада поставляют в Венецию лес, металл, шерсть и разнообразное сукно, от грубошерстного до тонкого златотканого, конопляные и льняные холсты. Через Венецию на Запад идут пряности, духи, рабы, шелка, хлопок, квасцы и красители. Славянский мир поставляет на венецианский рынок древесину, мед, воск, меха, коноплю. Византия продает Республике вина и шелковые ткани. Исламский мир, через который транзитом идут китайские шелка и индийские пряности, продает венецианцам сахар, лен, хлопок, ароматические вещества и пряности.

Для собственного потребления Республика импортирует зерно, пряности, лес, смолу, строительные материалы, коноплю. Из своих продуктов на экспорт идут соль, сахар с Кандии и Кипра, зерно, вина и шерсть, производимые на территории обширной империи, а также товары местного производства: украшения, стекло, хрусталь, меховые изделия; экспортные товары постепенно превращают Венецию в один из центров мировой моды.

Импорт-экспорт: большую часть упомянутых товаров привозят, продают и обменивают на берегах и набережных Большого канала, где постепенно образуются специализированные зоны товарообмена. Одной из причин этого являются пошлины, которые Республика собирает с владельцев судов за обязательный вход и выход из гавани.

В промежутке между XIII и XV в. годовой товарооборот интенсивно возрастает. В начале XIII в. галеры перевозят от 3 тыс. до 5 тыс. тонн груза в год; в XIV в. — от 7,5 тыс. до 10 тыс. тонн, а в XV в. — от 10 тыс. до 12 тыс. тонн. Для перевозки легких и ценных товаров используют в основном галеры, тяжелые и менее ценные перевозят на парусниках округлой формы и большого — по тем временам — водоизмещения; на таких судах обычно не было оружия, поэтому они старались избирать заведомо безопасные маршруты.

Типично венецианские галеры — это крупные, двух — или трехмачтовые суда, способные развивать большую скорость и отличающиеся высокой маневренностью. Экипаж галер насчитывал до двух сотен гребцов и двадцати арбалетчиков, поэтому галеры часто использовали в конвое *(mude)* сопровождавшем торговые корабли, идущие в направлении Константинополя, венецианской Романии, Черного моря, Таны, Трапезунда (Трабзон), Кипра и Малой Армении или везущие товары на Майорку, в Барселону, Валенсию, Севилью, Лиссабон, Саутгемптон, Брюгге и Лондон.

Таким образом, нетрудно заметить, что венецианская экономика была, по определению Броделя, «управляемой». Ибо государство устанавливает сроки отправления конвоев, стоимость фрахта и назначает капитанов. В Арсенале, где трудятся более тысячи высококвалифицированных работников, оно строит свои собственные галеры, плавающие под флагом святого Марка и утверждающие венецианское присутствие на морях. Чиновники Светлейшей осуществляют надзор за частными судами, дабы те соответствовали принятым стандартам: определяют максимальную загрузку, регламентируют численность экипажа — словом, контролируют все, вплоть до такелажа, канатов и якорей.

Государство берет под контроль «официальную» и частную навигацию. С помощью разветвленной сети чиновников, возглавляемых проведитором Коммуны, Республика следит за деятельностью разнообразных организаций: за Немецким подворьем (Фондако деи Тедески) на Риальто, где немецким купцам было предписано останавливаться и вести торговлю, за Ломбардским столом, куда стекались продукты со всей Италии.

Венеция обладает монополией на производство соли и частично контролирует торговлю основными продуктами питания, такими, как зерно и оливковое масло. Она запрещает местным банкам давать ссуды иностранцам, чтобы в случае необходимости деньги всегда были в наличии.

В Дзекке Республика чеканит монету: серебряный гроссо, появившийся в конце XII в. и остававшийся неизменным с 1284 г. до конца XVI в., и дукат весом в 3,56 грамма из чистого золота; на его реверсе был изображен святой Марк, вручающий штандарт коленопреклоненному дожу; венецианский дукат становится поистине денежным эталоном для государств Средиземноморского бассейна. Заявление, сделанное Сенатом в 1459 г., звучит ничуть не менее гордо, чем речь Мочениго: «Наша золотая монета высоко ценится и имеет надежную репутацию во всем мире, она превыше всех золотых монет других народов!»

Дукат (второе название — цехин, так как чеканят его в Дзекке) и многие другие монеты можно обменять в различных частных банках, сгруппированных вокруг Риальто. Менялы хранят у себя текущие счета купцов, получить которые можно только по письменному распоряжению владельца. Их клиенты простым росчерком пера могут рассчитаться со своими партнерами, имеющими счета в том же банке или в соседнем. Таким образом, наряду со звонкой монетой в оборот включаются «письменные» деньги. В скором времени система ведения счетов значительно улучшается благодаря главному техническому открытию, а именно «бухгалтерии по-венециански», двойной бухгалтерии, где каждому счету отводился разворот листа, на котором с одной стороны отражен кредит, а с другой — дебет, и потому с первого взгляда становилась ясна вся финансовая ситуация. С конца XII в. начинается развитие системы переводных векселей, позволяющей трансферт капиталов, а также кредитование, используемое для покупки и продажи. «Предположим, что некие венецианец и лондонец совершают сделку где-нибудь в Брюгге; англичанин покупает златотканые кипрские сукна стоимостью 100 «больших» фламандских ливров и обязуется оплатить товар в Венеции. Для этого ему достаточно отправиться в банкирскую контору в Брюгге, владелец которой имеет своего корреспондента в Венеции, и заплатить ему в фунтах стерлингов сумму, соответствующую 100 фламандским ливрам; далее банкир (выписывающий чек) дает своему корреспонденту (получателю чека) распоряжение выплатить в дукатах надлежащую сумму продавцу сукна (чекодержателю). Время, необходимое для прибытия письма из Брюгге в Венецию, и двухмесячный срок уплаты по векселю, установленный менялами (банкирами), отодвигают окончательный расчет, предоставляя, таким образом, определенный кредит, который благодаря трансферту приносит прибыль», достигающую 5 % (Брауншгейн-Делор).

Венецианский купец, чаще всего занимающийся торговлей уже не в первом поколении, имеет в этой сфере свое имя, репутацию и свои собственные товарищества. К ремеслу купца его готовят с самого детства; сначала его отправляют в порт, где стоит корабль, ожидающий погрузки некой партии товара: так он усваивает азы коммерции. Затем его посылают за границу, к кому-либо из родственников или корреспондентов. Потом он сам становится корреспондентом какого-нибудь торгового дома. Достигнув соответствующего возраста и сделав состояние, он, выбрав удачный момент, возвращается в Венецию и создает семью. Он продолжает заниматься делами, иногда участвует в общественной жизни, вкладывает часть прибылей в землю, недвижимость и государственные бумаги.

В отличие от своих флорентийских собратьев, у которых порой просыпался интерес к изящной словесности, венецианский купец *(mercator)* интересуется прежде всего точными науками, основанными на опыте, обладает солидными познаниями в счете и географии, а

также говорит на нескольких языках, чтобы иметь возможность напрямую общаться с клиентами.

Действительно, экономика Венеции делалась людьми разносторонними, не ограничивавшими себя только сферой коммерческой деятельности; как правило, они участвуют сразу в нескольких коммерческих предприятиях различного типа. Например, могут быть банкирами и одновременно купцами. Занимаясь сразу несколькими видами деятельности, они снижают степень риска и когда отправляются в плавание, и когда подписывают переводные векселя. В Венеции «множество мелких обществ и множество людей получают мелкие барыши, однако именно из них вырастают большие дела и делаются большие состояния» (Ренуар). Следовательно, незачем обращаться к страховым компаниям, как это было принято у деловых людей Флоренции.

Завоевание материка

В уже цитированной нами предсмертной речи Томмазо Мочениго предостерегает своих сограждан против экспансии на материк: «Пуще огня остерегайтесь брать чужое добро и вести неправедную войну, ибо тогда Господь покарает вас». И тут же добавляет: «Оставайтесь на том месте, где пребываете сейчас, и тогда превзойдете всех».

Море и/или материк? Хотя некоторые и относятся к материку настороженно, Республика тем не менее постепенно поворачивается лицом к суше. Причин для такого поворота, а, точнее, для кардинальной переориентации внешней политики множество. Материк (Терраферма) богат и многолюден, там процветают земледелие и ремесла, что дает Венеции богатые возможности для экспорта и импорта; наконец, именно Венеция контролирует дороги через Альпы и долину По, по которым купцы направляются в лагуну или же выезжают из нее. К тому же с материка Светлейшей часто угрожают честолюбивые «сухопутные» государи, и потому ей просто необходимо укрепить свои позиции на суше. Словом, если Республика «хочет оставаться великой державой, ей необходимо вмешаться в дела на континенте и закрепиться там» (Тирье).

В XIV в. Венеция продвигается на материк преимущественно дипломатическим путем, заключая и подписывая соглашения с соседними городами Тревизо, Падуей или Феррарой. Эта политика вызывает недовольство могущественных кланов, владеющих землями на севере полуострова, и они угрожают Венеции блокадой. Среди противников венецианского присутствия на континенте выступают Скалигеры из Вероны, Каррара из Падуи, Висконти из Милана.

В 1337 г. Венеция при поддержке Падуи, Феррары, Мантуи и Флоренции начинает наступление на Верону. Через два года Скалигеры вынуждены отказаться от своих амбиций в отношении Падуи и уступить венецианцам Тревизо. Когда Франческо Новелло ди Каррара, жаждущий расширить свои владения, в 1404 г. вступает в Верону, его тотчас ставят во главе города. Однако уже через год город добровольно переходит под власть Светлейшей; в ноябре после ожесточенного сопротивления сдается Падуя. В 1406 г. Франческо попадает в руки своих врагов и его приговаривают к смерти через удушение. Спустя некоторое время сеньор Равенны, Обиццо да Полента, обращается к Венеции с просьбой о покровительстве для себя и своих близких.

В 1419–20 гг. Республика, воспользовавшись турецкой угрозой, нависшей над границами владений венгерского короля Жигмонда, начинает с ним войну. В результате боевых действий ей удается вернуть себе Беллуно, Фельтре, Удине и Аквилею; приобретает она также Кадор, Трау и Спалато.

Миланский герцог Филиппо Мария Висконти начинает крупные военные операции на севере Италии. В 1420 г. он захватывает Брешию и Парму, а в 1423-м — Форли. Перед лицом миланской угрозы Флоренция и Венеция (во главе с дожем Франческо Фоскари) заключают союз для защиты республиканских «свобод». В 1426 г. Республика приобретает Брешию, а через два года, при подписании Феррарского мира, получает Бергамо. «Граница между

Венецианской республикой и владениями герцогов Висконти проходит отныне по самому сердцу Ломбардии, в нескольких десятках километров от Милана, и в городах и селениях венецианского домена так же, как прежде в Тревизской марке, и совсем недавно во Фриуле, начинают селиться венецианские патриции… в задачу которых входит представлять и поддерживать верховную власть Светлейшей» (Коцци).

В 1431 г. между Миланом и Венецией происходит ряд столкновений, не принесших успеха ни той, ни другой стороне. В разгоревшемся в 1436 г. новом конфликте отличается Франческо Сфорца, глава лиги, выступившей против герцогов Висконти. В 1444 г. Венеция, Флоренция и Болонья заключают союз против герцога Миланского. После его смерти в 1446 г. под покровительство Светлейшей добровольно переходит Лоди.

Падение Константинополя ускорило заключение мира в Лоди (9 апреля 1454 г.), согласно которому к Венеции отошла Крема и вдобавок Светлейшая укрепила свою власть над Брешией и Бергамо.

Наконец, в 1481 г. Венеция вступает в борьбу с герцогом Эрколе д'Эсте. К тому времени Феррара, являясь крупнейшим речным портом, держала под своим контролем обширные прибрежные территории по обеим сторонам По, что, разумеется, было невыгодно Венеции. Неаполь, Милан, Флоренция, Мантуя и Болонья поддерживали герцога, и только папа Сикст IV встал на сторону Венеции. Однако в 1482 г. Сикст IV неожиданно покинул лагерь венецианцев и даже наложил на своих бывших союзников интердикт, который Республика отвергла как незаконный. На основании подписанного в 1484 г. в Баньоло мира к Светлейшей отошли Ровиго и Полезине. Пыл, проявленный венецианцами в этой тяжелой войне, сплотил нацию, «национальное чувство обладало вполне определенной моральной силой, способной сплотить…. множество венецианцев, и не только патрициев и граждан, но и простолюдинов» (Коцци).

К середине XV в. венецианский патриций Бернардо Джустиниани мог горделиво заявить, что тремя самыми могущественными правителями мира были император, папа и дож.

Став державой не только морской, но и сухопутной, Республика умело управляет своими владениями на материке — *Dominio di Terra Ferma.* С крупными городами она заключает компромиссные соглашения. Так, она уважает ряд прерогатив падуанской коммуны: та продолжает выбирать свой Совет, который, в свою очередь, назначает судебных чиновников. В Вероне она сохраняет Сенат, наделенный правом издавать законы и избирать судей. В Виченце, Брешии и Бергамо продолжает действовать целый ряд местных статутов, равно как и судебных институтов. Администрация городов, подчиняющихся Венеции, обязана собирать налоги, а зачастую и самостоятельно назначать должностных лиц в подвластные им более мелкие населенные пункты.

Взамен Светлейшая оставляет за собой право одобрять конституции своих сателлитов и запрещает изменять их без своего дозволения, а в отдельных случаях включает в них законы, выгодные Венеции.

Большой совет Республики избирает главного проведитора Террафермы и подчиненных ему ректоров; все эти чиновники непременно должны принадлежать к патрицианским домам. В большие города обычно направляют подеста, наделенных гражданскими и судебными полномочиями, а также капитанов, ответственных за сбор налогов и за войска. В помощь им выделяются камерлинги, ведающие финансами, и кастеляны, также знатного происхождения; их сопровождают законники, которых они подбирают себе в Венеции. Задачи каждого чиновника четко определены в приказе о назначении на должность, который вручается ему накануне отъезда и где сказано, что он обязан действовать сообразуясь с божественным провидением и по справедливости, согласно местным обычаям и уложениям, во благо города, управлять коим ему предстоит, и к вящей славе Повелительницы.

Ректоры, отвечающие за общественный порядок, бесперебойное функционирование финансовой системы, выполнение общественных работ, вооружение, оборону и снабжение продовольствием, находятся под контролем регулярно приезжающих инспекторов-

надзирателей (новой аудиторской службы, созданной в 1410 г.); также ректоры выступают посредниками между местными администрациями и Республикой, являющейся высшей и последней инстанцией в решении любых вопросов.

Провозглашая владычество Светлейшей, подеста и капитаны строят себе новые дворцы, роскошь которых должна затмить прежние сооружения и памятники, возведенные в общественных местах.

Система государственного управления

Как мы уже видели, Венецианская республика осуществляет жесткое руководство экономикой и структурами управления подвластных ей территорий — как заморских, так и материковых, — проводя, как нам кажется, политику государственного администрирования основных сфер жизнедеятельности. Институты Светлейшей, в основном сложившиеся в конце XIII в., практически остаются без изменений на протяжении почти пятисот лет, вызывая восхищение и итальянцев (прежде всего флорентийцев), и чужестранцев.

Как написано в одном анонимном французском трактате под названием «Об управлении городом и о венецианской Синьории», Синьория может быть истолкована трояко: во-первых, Синьория — это собрание советников, заботящихся об общественном благе в городе и во всем государстве Венецианском; во-вторых, Синьория — это советники, коллегии… в-третьих, венецианская Синьория задумана как коллегия, приданная в помощь дожу, его советникам и главе Совета сорока». Картина эта верна.

«Дож Венеции, именуемый также Государем, является главной должностью, которую Республика наша доверяет своим благородным и заслуженным сынам», — пишет в 1493 г. Марино Санудо, один из наиболее прозорливых живописателей венецианской жизни того времени.

Начиная с 1268 г. глава государства избирается уже не народом, а посредством сложной процедуры, состоящей из одиннадцати голосований, во время которых шансы имеет как кандидатура Большого совета, так и его величество случай (или Провидение); подобные бюрократические проволочки устраиваются для того, чтобы на высшую должность в государстве не попал ставленник какой-либо партии или клана, человек опасный или неспособный удержать в руках бразды правления. К символам власти дожа принадлежат шапка особого покроя, напоминающая колпак, меч, пурпурный плащ, отороченный мехом горностая, и красные башмаки, сшитые по образцу башмаков византийских императоров. Полный титул дожа звучит следующим образом: «сиятельный господин, милостью Божьей дож Венеции, дукс Далматинский и Хорватский, повелитель одной четверти с половиною Латинской империи»; последняя титулатура исчезает в 1354 г. В дальнейшем дож будет именоваться «светлейшим государем».

«Ни одно дело не решается без его присутствия, — пишет флорентиец Донато Джаннотти, — однако в одиночку вынести решение он не может». Замечание очень верное. Заседая во всех советах, дож мог вносить любые предложения и ставить их на голосование, но не имел права их навязывать. Однако зачастую сама личность дожа, главы государства, назначаемого пожизненно, непременно родом из знатной семьи и в большинстве случаев имеющего уже солидный возраст, оказывала сильное влияние на эфемерные по своей природе советы.

Но власть дожа строго ограничивалась различного рода предписаниями. После избрания дож обязан был принести присягу (о которой уже упоминалось выше): в присутствии духовенства и членов советов он торжественно клялся действовать согласно законам и на благо государства. Исполняя должность дожа, он не имел права появляться на публике в одиночку, не мог в одиночку встречаться с иностранными государями или посланниками, не мог один вскрывать официальную корреспонденцию. *Primus inter pares* (первый среди равных), точнее, *rex in purpura in urbe captivus* (государь, облаченный в пурпур, который является узником в собственном городе), венецианский дож, за

исключением тех случаев, когда на этой должности оказывалась сильная личность, постепенно превращался в аппаратного функционера.

После смерти Агостино Барбариго в 1501 г., преемника его собственного брата Марко (выбор, взбудораживший общественное мнение), к тому же обвиненного — и не без оснований — в различных хищениях, была разработана процедура посмертного привлечения дожа к судебной ответственности. Исполнителями такой процедуры становились инквизиторы *ad hoc* [6], они накладывали секвестр на оставленное дожем имущество, дабы в случае доказательства ущерба, причиненного им при жизни обществу, ущерб этот можно было возместить. В 1521 г. членам семейства дожа запретили занимать церковные должности и исполнять обязанности адвоката Коммуны. В 1646 г. их также лишили права занимать должности при посольствах.

Наряду с Малым советом *(Minor Consiglio),* состоящим из дожа и шести его советников, действует Светлейшая синьория, членами которой являются главы Совета сорока *(Quarantia).* В конце XV в. к ним, по указанию Большого совета, присоединяются шесть представителей от каждого городского *сестьере,* шесть «великих мудрецов», отвечающих за политику в целом, затем пять мудрецов, «готовых к услугам» специалистов по морскому законодательству, и пять — делам Терраферы». Все вместе они составляют Коллегию *(Collegio)* из двадцати шести человек, в компетенцию которых начиная с XVI в. входит внешняя политика.

«Замковый камень в своде венецианской правительственной системы» (по определению Тирье) — это Большой совет *(Maggior Consiglio),* который выбирает из своей среды советников дожа, членов Сената, Совета десяти и значительное число магистратов. Его голос является решающим при принятии законов, предлагаемых различными советами. До 1297 г. он насчитывал от 400 до 500 человек; в начале XIV в. — около 1,1 тыс., к концу века — примерно 1,2 тыс., а в 1493 г., по утверждению Марино Санудо, почти 2 тыс. человек. Однако далеко не все члены Большого совета присутствовали на его заседаниях: многие из них исполняли поручения за пределами государства. В 1493 г., по словам того же Санудо, на заседаниях присутствовала едва ли половина советников.

Как ни парадоксально, но увеличению числа членов Большого совета способствовало так называемое «закрытие» *(serrata),* объявленное в 1297 г.; в 1299 г. под «закрытие» была подведена правовая база. Суть этой реформы состояла в том, что право заседать в Совете получали только нобили, уже заседавшие в нем не менее четырех лет, а также указанные электорами *ad hoc.* Таким образом, члены Большого совета набирались почти исключительно среди представителей старинных родовитых семейств; нуворишам попасть в Совет было практически невозможно, а тем более людям из новых классов — за исключением отдельных, особых случаев. В 1314 г. был составлен список, куда были занесены имена семейств, члены которых имели право быть избранными. В 1319 г. был принят указ, согласно которому каждый, кто имел право быть избранным, по достижении им двадцати пяти лет автоматически становился членом Большого совета. В 1323 г. каждый кандидат в советники Большого совета должен был представить доказательства, что его отец и дед также были его членами.

«Когда право на членство в Большом совете стало предоставляться исключительно на основании происхождения, вне зависимости от того, богат будущий советник или беден, компетентен или безграмотен, умен или невежда, Совет оказался не в состоянии исполнять истинные функции правительства, и они перешли к другим органам управления» (Коцци).

К числу таких органов принадлежал Совет сорока, члены которого избирались на год и имели право переизбираться; этому Совету отводилась роль высшего судебного органа для рассмотрения дел за пределами Венеции; однако три его председателя *(capi)* являлись по праву членами Синьории.

Более важным органом был Сенат, изначально состоявший из сведущих, специально

6 Для данного случая (лат.).

приглашаемых дожем советников *(pregadi)* для решения некоторых особенно деликатных дел. В середине XV в. Сенат состоит из 120 членов, избираемых на год Большим советом и имеющих право быть переизбранными. Члены Сената отличаются изрядной компетентностью во многих вопросах. Они выбирают посланников, определяют их задачу и заслушивают отчеты. Они занимаются военным флотом, набором солдат и кондотьеров и назначают проведиторов для контроля за последними. В число мероприятий, проводимых Сенатом в области экономики, начиная с 1506 г. входит назначение пяти мудрецов «по торговым делам» и надзор за снабжением города продовольствием, за организацией морских конвоев, а также контроль за импортом и рынками зерна, оливкового масла, соли и вина.

Совет десяти, возникший — как мы увидим далее — в результате протеста против захвата патрициями власти в государстве, в 1335 г. становится постоянным. Избираемый Большим советом, он представляет собой своего рода верховный суд, в обязанности которого входит обеспечение безопасности и забота о нравах: это некая эманация «врожденного недоверия, питаемого Республикой ко всем и вся» (Коцци). Члены Совета десяти ведут свои расследования втайне, опираясь на эффективно функционирующую сеть шпионов и осведомителей, поставляющих свою информацию в отведенные для этого урны, самой знаменитой из которых является львиная пасть во Дворце дожей. В 1539 г. был создан постоянно действующий институт государственных инквизиторов. По словам Доменико Морозини, в конце XV в. благодаря Совету десяти в городе царило спокойствие и никто не покушался на его свободу. Спустя некоторое время Марино Санудо заявляет, что Совет этот «руководит почти всем, делает что ему заблагорассудится и пользуется непререкаемым авторитетом».

Принципы управления, о которых было сказано выше, наложили неизгладимый отпечаток на венецианские государственные институты. «Монополия на торговлю трансформировалась в монополию на власть» (Кракко). Для иностранцев переход этот также не остался незамеченным: «власть перешла от всех к меньшинству» *(Ab omnibus ad pocos),* — писал в конце XVI в. французский легист Жан Воден, а в 1677 г. испанский посланник заявляет, что «свобода в Венеции перешла от народа к нобилям, исключившим из нее всех прочих граждан».

Внутренняя политика

«Захватив власть, аристократия постаралась прежде всего обезопасить себя от того, чего она опасалась более всего, а именно от установления личной власти в результате сговора дожа с народом, т. е. от установления режима, именуемого тиранией, в отличие от свободы, которой, по мнению патрициев, им удалось добиться; ненавистный пример тирании подавали многие города Северной Италии, где личная власть сочеталась с правлением Синьории» (Ренуар).

На протяжении XIV в. неоднократно происходили выступления против всевластия аристократии. Например, в 1310 г. группу недовольных возглавил знатный и честолюбивый Байамонте Тьеполо, снискавший популярность среди широких масс венецианцев и заключивший союз со своим отчимом, состоятельным землевладельцем Марко Кверини, а также богатым и популярным патрицием Бадоеро Бадоером. Они замыслили свергнуть власть чрезвычайно непопулярного дожа Градениго, но переворот, который должен был произойти в ночь с 14 на 15 июня, не удался. Кверини был убит, Бадоер казнен. Тьеполо бежал в Зару, где продолжал плести заговоры. Именно в связи с делом Тьеполо был создан Совет десяти.

В 1355 г. дож Марино Фальер, принадлежавший к старинной патрицианской семье, многоопытный сановник (был послом и долгое время членом Совета десяти, командовал флотом на Черном море, исполнял должность подеста на материке), организует заговор, чтобы с помощью народа вырвать власть у патрициев. Прекрасно информированные, члены Совета десяти без промедления арестовывают заговорщиков. Чтобы осудить Фальера, они,

как было предусмотрено законом, образовали специальную комиссию *(zonta)* из двадцати человек. Дож признал свою вину и выдвинутое против него обвинение; 17 апреля ему вынесли приговор, а на следующий день состоялась казнь. В 1365 г. издается указ, согласно которому имя его будет стерто с фриза в зале Большого совета, где выбиты имена всех дожей, и заменено латинской надписью-напоминанием: «На этом месте было имя Марино Фальера, обезглавленного за совершенные преступления».

Наконец, в 1457 г. Совет десяти с невиданным доселе блеском явил свое поистине безграничное могущество, заставив престарелого дожа Франческо Фоскари, прославленного героя войны с Миланом, отречься от должности после того, как сын его был объявлен виновным в поддержании тайной переписки с султаном и Франческо Сфорцей; Совет признал дожа непригодным для дальнейшего исполнения им своих должностных обязанностей.

Должностные лица и чиновники

Говоря о духе, пронизывающем венецианские государственные институты, Браунштейн и Делор справедливо замечают: «Венецианская система представляет собой круг, центр которого незаметно перемещается, но окружность остается постоянной».

Однако круг этот включает в себя только аристократию. Но, как пишет Тирье, именно она «создала богатства города и намерена обеспечить его будущее… Да, если хотите, это олигархия, но олигархия мыслящая».

Всемогущие и вездесущие венецианские патриции присутствуют во всех административных органах Республики. Полномочия и срок пребывания в этих органах для должностных лиц, избираемых чаще всего Большим советом, ограничены рядом правил; они осуществляют свои функции в течение определенного времени, и решения принимаются преимущественно коллегиально.

К числу высших судейских должностей принадлежат прокураторы собора Сан-Марко и адвокаты Коммуны *(Avogadori di Comun).* Избираемые пожизненно, прокураторы в протокольном порядке следуют непосредственно после дожа. В XV в. число их равно девяти; они ведают доходами собора Сан-Марко и комиссариями *(commissarie);* шесть из них ведают городскими сестьере. Адвокаты Коммуны отвечают за отправление верховного правосудия, выступают общественными обвинителями в советах и являются хранителями «Золотой книги» нобилей. Один из них по решению своих коллег делегируется в Совет десяти.

В компетенции мелких магистратур, число которых вследствие бурного развития Венецианской империи постоянно увеличивается, находятся вопросы либо правовые, либо финансовые.

Шесть судов при Дворце дожей, в каждом из которых заседают трое судей, занимаются гражданскими делами. Торговые консулы улаживают проблемы коммерческой навигации. Должностные лица Тернарии *(Ternaria)* взимают пошлины с импортеров зерна и оливкового масла. «Соляные» проведиторы назначают цену на соль, этот основной продукт венецианской экономики, и организуют его продажу. Камерлинги Коммуны взимают прямые налоги.

Светлейшая берет на себя все больше международных обязательств, отчего роль ее на международной арене неуклонно возрастает, равно как и ее потребность в послах, выбираемых среди наиболее образованных и сведущих патрициев. Начиная с XVI в. послы, как исполняющие временные поручения, так и постоянные (в Риме, Париже, Лондоне, Антверпене, Вене и Константинополе), регулярно отсылают в Сенат сообщения *(dispacci),* а в конце своего пребывания в стране пишут заключительный отчет — «традиционное подведение итогов и результаты накопленного опыта» (Коцци), — дающий правительству четкое представление об иностранных государствах, их руководителях и проблемах.

Эти документы, как и прочие официальные бумаги, хранятся в архивах Канцелярии. За них отвечает Великий канцлер; он избирается Большим советом и не принадлежит к классу

патрициев. Канцлер руководит многочисленным чиновничьим аппаратом, этим «сердцем нации», как назвали его однажды в Совете десяти. Чиновники получают необходимое для них образование в школе Сан-Марко (где, в частности, обучают риторике и латыни); хорошо образованная чиновничья элита, среди которой было немало гуманистов, подготавливает решения патрициев, координирует их и следит за их исполнением, руководит государственной бухгалтерией, взимает налоги и пошлины и определяет жалованье служащим Коммуны. В 1443 г. Большой совет голосует за закон, преамбула которого гласит: «Все понимают, как необходимо для славы нашего Сообщества, а также в наших интересах сделать так, чтобы Канцелярия, через которую проходят все государственные дела, как публичные, так и тайные, имела во главе своей лицо, подходящее для сей должности и способное исполнять ее».

Венецианское общество

В конце XIV в. городское население Венеции насчитывает более 100 тыс. жителей; после чумы 1348 г. (которая буквально опустошила все западные государства) численность его падает до 50 тыс.; в 1382 г., после войны в Кьодже, оно составляет 60 тыс., в 1422 г. достигает 85 тыс., а в 1563 г. — 170 тыс. человек (вдвое больше современной численности). Все жители города четко делятся на определенные социальные группы: патриции, граждане, духовенство, народ, иностранцы.

Только патриции, единственные, кто допускаются в Большой совет, обладают политическими правами. По свидетельству Санудо, в 1493 г. численность патрициев, переваливших возрастной рубеж в двадцать пять лет, составляла 2420 человек; цифра эта самая высокая за всю историю существования патрициата. Согласно безвестному хронисту, в 1482 г. патриции занимали 732 административные должности, а в начале XVI в., по словам Санудо, таковых насчитывалось 800.

Являясь в большинстве своем людьми деловыми, патриции вкладывают свои капиталы также в землю, леса, шахты. Сын разорившегося дельца, Андреа Барбариго начинает свою карьеру в 1420 г., имея всего лишь скудную сумму в 200 дукатов. Благодаря торговым операциям с венецианской Романией, Египтом, Англией и Испанией он в 1450 г. имеет уже 15 тыс. дукатов; в 1500 г. умирающий Андреа оставляет своему сыну в наследство 27 тыс. дукатов. Избранный в 1471 г. дожем Никколо Трон, получивший образование на Родосе, где он прожил пятнадцать лет, располагал капиталом в 60 тыс. дукатов и поместьями, оцененными в 20 тыс. дукатов.

Патрициат, вообще говоря, должен был бы состоять из людей, равных друг другу как по правам, так и по влиятельности. Однако имелось немало бедных патрициев, число которых со временем возрастало. Патриций мог потерпеть крах в делах, стать жертвой кораблекрушения или нападения корсаров, или же не выдержать конкуренции — внешней либо внутренней. Так, в 1499 г. патриций Андреа Контарини заявил в Синьории, что доход его равен всего 16 дукатам, а на иждивении у него девять детей, и дом только что продан за долги, которые он не в состоянии заплатить.

За классом патрициев следуют граждане, образующие две группы. Граждане «по праву» *(de jure)* — это дети граждан, также родившихся в Венеции; они занимались теми же видами коммерческой, банковской и промышленной деятельности, что и патриции, не занимались ручным трудом, и им были доступны высшие должности в государственной канцелярии. Таким образом, они составляли своего рода «дворянство мантии» (Тирье). Гражданами *de intus* и de *extra* считались те, кто, родившись за пределами Венеции, получали от проведиторов Коммуны гражданство «по привилегии» или же на основании жалованной грамоты. Эти «пожалованные» граждане сочетались браком с уроженками Венеции или же долгое время жили в городе, исправно платя налоги, и продолжали жить там же. Такими гражданами становились большей частью приезжие из разных уголков Апеннинского полуострова, но встречались среди них и прибывшие совсем издалека. Среди пожалованных

граждан было немало известных врачей и юристов, князей и иностранных купцов, равно как и жителей, имевших владения на суше и на море.

Духовенство являлось сословием почитаемым, однако управляемым и отстраненным от участия в делах общества; оно платило налоги, дела его рассматривались в светских судах, а представители его иногда даже поступали на военную службу. Патриарх и каноники собора Сан-Марко выбирались дожем, в то время как епископов назначал Сенат. Таким образом, духовенство в Венеции имело совершенно особый статус, и ни в одной другой стране ничего подобного не было.

В своем «Докладе об управлении Венецианской республикой» (1580) Антонио Милледоне пишет, что народ «является третьим сословием среди жителей Венеции». Состоящий из коренных венецианцев, он подразделяется на различные страты: мелких торговцев, ремесленников, рабочих (в том числе и рабочих Арсенала), служащих администрации. Все, кто занимается каким-либо ремеслом, объединены в многочисленные корпорации, пребывающие под строгим надзором; они не играют никакой политической роли. На более низкой ступени общественной лестницы стоят слуги, чернорабочие и проститутки (численность их, по словам Санудо, достигает 11 тыс., и они также делятся на определенные подгруппы).

«Помимо нобилей и некоторого числа граждан, остальное население Венеции составляют чужестранцы и небольшое число венецианцев», — пишет в 1509 г. хронист Джироламо Приули. Действительно, в Венеции проживает множество приезжих с материка и заморских территорий. На каналах и набережных, на улицах и площадях, в ряде кварталов, где иностранцы зачастую образовывали компактные поселения, можно было встретить и уроженцев Милана (большинство из них занималось кузнечным ремеслом), и далматинцев (в основном моряков), и албанцев (в основном солдат), и немцев (башмачников, торговцев, ткачей, лекарей, печатников), и фламандцев (коммерсантов, типографов), и греков, число которых после падения Константинополя резко возросло, и турок, и арабов. Были также и рабы: татары, монголы или африканцы. Евреям сначала разрешали жить в городе лишь временно, но потом они получили право постоянного проживания в гетто (слово это, впоследствии распространившееся на Западе, означает железо-плавильню — *geto,* — так как в отведенном евреям для жительства квартале прежде размещались литейные мастерские).

В отличие от такой республики, как Флоренция, Венеция практически не знала социальных потрясений. Это объясняется тем, что венецианские институты находили широкую поддержку в обществе, а государству удалось достичь весьма высокого для того времени уровня жизни населения, регулярно снабжать его продовольствием, создать эффективное и беспристрастное правосудие и обеспечить участие всего населения в публичных церемониях и празднествах.

Культура

По сравнению с культурой Флоренции, культура Венеции в XIV столетии выглядит изрядно отсталой. Причиной тому во многом является изоляция Республики от Западной Европы и ее ориентация на «все византийское», отчетливо проявившаяся в художественной сфере. Но уже в следующем веке венецианцы, повернувшись лицом к материку, испытывают потребность представить себя в наиболее выгодном свете, особенно в области литературы, и ситуация меняется.

Начиная с XIII в., а точнее, с книги «Венецианская хроника» Мартина да Канале, написанной между 1267 и 1275 г., в венецианскую литературу вливается мощный поток историографических сочинений. Чиновник на службе у Коммуны, а потому имеющий доступ к официальным документам, Мартин да Канале пишет на французском языке, с дозволения и под контролем своих начальников, восторженную хронику города, где образы дожей, адмиралов и патрициев ярко выделяются на фоне событий в восточном Средиземноморье.

До конца XIV в. венецианская историография существует в основном для внутреннего

пользования; она представлена в форме анналов и хронологических записей, авторы которых нисколько не претендуют на изысканность стиля. В начале XV в. положение меняется: наступает время, когда Республике необходимо оправдать свою экспансию на континент, а следовательно, создать свой собственный положительный образ — образ справедливого и свободного города, защитника христиан против неверных. В 1421–28 гг. служащий Канцелярии Лоренцо ди Моначис пишет книгу «О деяниях достойных и о благородном государстве Венецианском» (*De gestis moribus et nobilitate civitatis Venetiarum)* , название которой говорит само за себя. Спустя пятьдесят лет патриций Бернардо Джустиниани в своей книге «О происхождении града Венецианского» *(De origine urbis Venetiarum)* делает упор на самосознании венецианцев, издавна ощущающих себя гражданами своей родины, и призывает правящий класс к единству. В 1487 г. выходит «История Венецианская от основания города в XIII книгах» *(Rerum Venetiarum ab urbe condita libri XIII)* Маркантонио Сабеллико, столь же откровенно пропагандирующая национальную идею; в ней же можно найти рассказы и сообщения о путешествиях, о которых мы уже говорили в связи с «Книгой чудес» Марко Поло. В своем «Повествовании о путешествии в Тану и Персию» (1487) Иосафат Барбаро заявляет, что «весьма большая часть обитаемых земель оставалась бы неизвестной, ежели бы венецианские купцы и мореходы не открыли их, приложив к этому немалые усилия».

В 1362 г. в Венецию приезжает Петрарка и остается там на пять лет. Его пребывание в городе, несомненно, способствовало развитию предренессансной атмосферы, формирующейся — еще одна специфическая особенность культурной жизни лагуны — скорее в частных кружках патрициев, нежели в официальных институтах.

В первой половине XV в. становятся известны имена Леонардо Джустиниани (1388–1466) и Франческо Барбаро (1390–1454), вдохновение которых, скорее всего, пробудилось под влиянием гуманистов, гостивших в Венеции. Член Совета десяти и прокуратор Сан-Марко, Джустиниани прославился своими «Посланиями», написанными на латыни, переводами с греческого и итальянскими стихами, которые, будучи положены им же на музыку, снискали огромный успех у публики. Франческо Барбаро, также выходец из патрицианской семьи, политик и дипломат, сочиняет трактат «О супруге» *(De uxoria,* 1416), где воспевает брак как институт, чрезвычайно полезный для общества и демографической ситуации государства; в то же время большая часть тогдашних интеллектуалов с презрением относилась к брачным узам.

Родственник Франческо, Эрмолао Барбаро Младший (1453–93), представляет новое поколение гуманистов, ориентированных не на «гражданскую» деятельность, а на литературную. Получив образование в Вероне и Риме, друг Полициано, издатель и комментатор Аристотеля и Плиния, он вносит много нового в филологию: занимается сравнительным текстовым анализом, реконструкцией источников.

Родившийся в Трапезунде, в греческой семье, впоследствии бежавшей в Италию, гуманист Бессарион, в 1443 г. ставший кардиналом, завещает Республике свою богатую коллекцию греческих рукописей, составившую ядро библиотеки Сан-Марко *(Marciana),* собирать которую начали в 1473 г.

В 1475–76 гг. Эрмолао Барбаро преподает в Падуе. Когда в 1405 г. город был сдан венецианцам, Республика обещает оказывать поддержку знаменитому Падуанскому университету. С середины XV в. университет попадает под контроль Сената, который активно направляет его деятельность. Сенат же посылает в этот университет молодых патрициев для изучения права.

Вначале юные патриции обучались в Венеции, в школе Риальто. В этом — сначала закрытом, а с 1441 г. общедоступном — учебном заведении высокообразованные и опытные преподаватели, принадлежавшие исключительно к классу патрициев, читали курс философии, ибо философия была созвучна менталитету венецианцев: «учительница жизни», указывающая путь к земному счастью, она должна была способствовать формированию будущих государственных мужей.

Искусство в XV в.

Реконструированный в 1063 г. собор Сан-Марко являет собой великолепный архитектурный ансамбль в характерном для Венеции византийском стиле. Имеющий основание в форме греческого креста, с пятью куполами и мощными колоннами, соединенными арками, с удлиненным главным нефом, Сан-Марко изначально был задуман как просторный парадный собор. И хотя строительство его завершилось в 1096 г., наружная облицовка из мраморных плит была выполнена значительно позднее; настенная мозаика также делалась постепенно, в разное время; стрельчатые фасады восходят к XV в.; украшать собор будут вплоть до начала XIX столетия. Как бы там ни было, выбор византийского образца для главного храма свидетельствует не только о тесных связях между Венецией и Константинополем, но и о стремлении Венеции заявить о своей самобытности по отношению к германским и римским властям.

Взятие Константинополя в 1204 г. не могло не оставить след в венецианском искусстве, принадлежавшем одновременно и Востоку, и Западу. Массовый ввоз византийских художественных изделий, захваченных победителями в качестве добычи, стимулирует создание местных мастерских; однако Венеция начинает неуклонно обращать свои взоры в сторону континента. Фасад собора Сан-Марко украшают четыре знаменитых бронзовых коня из Константинополя, в то время как его центральный портал украшен романскими скульптурами, выполненными в стиле скульптора из Северной Италии Антелами.

Успехи в развитии экономики, а также стремление патрициев выставить напоказ свое преуспеяние благоприятствуют строительству домов *(ca'* или *case)* и дворцов (палаццо). Учитывая специфические условия города, дома приходилось строить так, чтобы к ним можно было причалить на лодке; хозяева строят дома не только для проживания, поэтому первый этаж обычно отводился различным коммерческим службам, а уже выше располагались жилые помещения.

В XIV в. активное сближение Венеции с Западом способствует проникновению в город готического стиля. Соприкоснувшись с византийским искусством, готический стиль в XV в. начинает изобиловать поистине бессчетным количеством мотивов, завитков и стрелок, что получает наименование «цветущая готика».

Наиболее характерным сооружением венецианской готики является Дворец дожей, жилище главы государства и одновременно местопребывание различных магистратур. Строительство дворца было начато в 1340 г. — тогда вдоль мола вытянулось новое здание весьма скромных по сравнению с нынешними размеров. Однако в 1422 г., во время правления дожа Томмазо Мочениго, дворец был достроен со стороны, обращенной к Пьяццетте; работы по надстройке и расширению здания дворца завершились в годы правления Франческо Фоскари. Творение ломбардских, тосканских и венецианских мастеров, среди которых следует назвать Джованни Бона (ок. 1360–1442) и его сына Бартоломео (ум. 1464 г.), величественный архитектурный комплекс дворца вполне отвечает своему назначению и не противоречит свойственному венецианцам пристрастию к преемственности.

Построенный в 1424 и 1434 гг. Золотой дом *(Ca' d'oro)* являет собой великолепный образец частного дворца XV в., сооруженного уже упоминавшимися выше архитекторами. От романского стиля он заимствовал оконные колонки, полуциркульную арку портала и угловые пилястры; от готики у него скульптурные элементы второго и третьего этажей; от восточного стиля — оконные проемы, декоративные зубцы, полихромная мраморная мозаика и облицовка золотыми пластинами (откуда название дома), к настоящему времени исчезнувшая. В середине века дворцы начинают приобретать классические очертания, например палаццо Фоскари (1452).

В Венеции ренессансный архитектурный образец переработан на основе принципов Альберти, а затем Браманте. Главным пропагандистом его становится уроженец Бергамо Мауро Кодусси (ок. 1440–1504). За тридцать лет неустанной работы на берегах лагуны он

основательно обновляет венецианский художественный язык (церкви Сан-Микеле, Сан-Дзаккариа, Сан-Джованни Кризостомо); особое место среди его работ занимает палаццо Вендрамин-Калерджи на Большом канале, безупречно вписывающееся в городской пейзаж.

Первым шагом венецианцев в изобразительном искусстве становится мозаика — искусство, в котором Венеция, наследница византийской культуры, несомненно, преуспела. С начала правления Доменико Сельво (1070–84) и до XIII в. при соборе Сан-Марко действует мастерская по созданию мозаики, где работают приглашенные мастера; в XIII–XIV вв. здесь появляются местные мастера-мозаисты, постепенно отходящие от византийского канона.

Паоло Венециано (годы активного творчества 1310–58) был первым венецианским художником, который подписывал свои работы. По-прежнему исполненные восточных мотивов, они, и в частности полотно «Коронование Марии», или «Мадонна» (1352, Лувр), тем не менее свидетельствуют о знакомстве художника с живописью Терраферма.

Прямым наследником Паоло был Лоренцо Венециано, чье творчество приходится на период с 1356 по 1379 г.; в отличие от своего учителя, он в значительной степени освобождается от влияния восточного канона. С его работ начинается утверждение готического стиля в живописи. На рубеже XIV и XV вв. Якобелло дель Фьоре (1370–1439) своим творчеством отдает дань сиенской школе. В начале XV в. принимается решение расписать зал Большого совета во Дворце дожей; для этой работы призывают Джентиле да Фабриано и Пизанелло — художников, нашедших в Венеции благоприятную почву для своего творчества. Под руководством Джентиле да Фабриано формируется как художник Якопо Беллини.

Во главе живописцев венецианского Кватроченто стоят две семьи художников — Виварини и Беллини. Антонио Виварини (1420-ок. 1484), оставаясь приверженцем цветущей готики, тем не менее начинает делать реалистические зарисовки и робко использовать перспективу. Его сын Альвизе (ок. 1445–1505) порывает с отцовской традицией и следует за новыми мастерами, а именно за Беллини.

Якопо Беллини (ок. 1400–70) — глава семьи, несколько поколений которой подарили Венеции замечательных живописцев, чье творчество стало определяющим для второй половины венецианского Кватроченто. Он возглавляет самую крупную живописную мастерскую в городе, где обучаются ремеслу его сыновья Джентиле и Джованни. Поездки Беллини во Флоренцию, Феррару и Падую, встречи с иноземными мастерами в самой Венеции позволяют художнику познакомиться со всеми художественными направлениями того времени.

После смерти отца Джентиле (ок. 1429–1507) и Джованни (ок. 1430–1516) совместно руководят семейной мастерской. Джентиле отвечает за исполнение ответственных заказов, исходящих от крупных благотворительных ассоциаций, именуемых Скуоле гранди *(Scuole Grandi,* букв. — Большие школы). Официальный художник Республики, он является превосходным портретистом (портреты дожа Франческо Фоскари и султана Мехмеда II), мастером сюжетных полотен («Чудо Святого Креста») и создателем живописной истории святого Марка, еще раз напоминающей о двух ликах Венеции, один из которых повернут к Востоку, а другой — к Западу, и славящей город с его улицами и площадями, его историю и его институты.

В творчестве Джованни Беллини присутствуют преимущественно два сюжета — Дева Мария и Распятие, — которые он изображает с присущей ему точностью линий и мастерской передачей рассеянного света. Постепенно источником вдохновения для Джованни становится созерцание природы, внимание его переносится с города в лагуне на Терраферму, ее города и деревни (картины «Преображение», «Умиление святого Франциска»).

Карпаччо (ок. 1460–1525 или 1526), натура сложная и богато одаренная, начал свою карьеру с цикла картин «Сцены из жизни св. Урсулы», заказанных семьей Лоредан. Бретань, родина святой, и Англия, родина ее жениха, кистью мастера были преобразованы в Венецию, невероятную и загадочную, наполовину готическую, наполовину ренессансную. С 1496 г. Карпаччо вместе с Джованни Беллини работает над воплощением цикла «Чудо Святого

Креста»; трактуя религиозные события как сцены современной венецианской жизни, он изображает множество бытовых деталей, подчеркивая тем самым богатство города и царящий в нем дух космополитизма. Особое место в творчестве художника занимает загадочная картина «Две куртизанки» (ок. 1510); до сих пор неизвестно, изображены ли на ней действительно куртизанки или же эти две дамы — аристократки. С уходом Карпаччо завершается период расцвета венецианской живописи. И хотя жизнь Джорджоне практически вся прошла в веке XV, его искусство принадлежит эпохе Чинквеченто, о чем пойдет речь ниже.

Полотно Джентиле Беллини «Процессия на площади Сан-Марко» представляет подробнейшую картину одного из многочисленных праздников и увеселений, являвшихся важной составной частью общей культуры венецианцев. На полотне перед взорами знатных сановников и толпы зевак возле собора шествуют делегации различных корпораций, приходов и религиозных орденов, тысячи мужчин и молодых людей, одетых сообразно их положению.

Такое зрелище сравнимо лишь с религиозными празднествами, в частности с торжественными церемониями, которые устраивают в честь святого покровителя Республики: по случаю годовщины его мученичества, перевоза его мощей из Александрии в Венецию, его явления и освящения построенного в его честь собора.

Столь же многочисленны и гражданские празднества: обручение дожа с морем; военные парады, ярким примером которых явился парад на площади Сан-Марко в 1458 г. под командованием кондотьера Бартоломео Коллеони; торжественные приемы иностранных государей (например, встреча Фридриха III в 1452 г., которая, по словам хрониста Дольфина, «была столь пышной, что ни одно перо не могло ее описать; она превзошла даже триумфы римлян»); турниры на земле и на воде, а также разнообразные регаты, устраиваемые Сенатом.

К простонародным развлечениям относится охота на быка, выпускаемого на городские улицы *(calli);* «геркулесовы силачи», или живые пирамиды, сооружаемые на площадях и на палубах судов жителями сестьере; кулачные бои, в которых на мосту сходятся две городские команды. И, разумеется, карнавал, продолжающийся со дня Св. Стефана до самого Поста; во время карнавала, когда все надевают маски, уравнивающие богача и бедняка, проходимца и аристократа, городским властям приходится сталкиваться с проявлениями как необузданной радости, так и невероятной жестокости; самую активную подготовку к карнавалу проводит корпорация ремесленников, изготовляющих карнавальные маски.

Празднества — характерная черта венецианской культуры, и организуют их не только городские власти, но и частные лица. Так, например, сообщества молодых патрициев, получившие название «Делла Кальца» *(Compagnie della Calza)* из-за эмблем, прикрепляемых к шоссам *(calze)* и капюшонам плащей, устраивали различные увеселения, а в XVI в. начали ставить комедии.

Глава 4
Величие и упадок (XVI–XVIII вв.)

Бедствия, приходящие с материка (XVI В.)

1492–94 годы стали поворотным периодом в мировой истории, в истории Италии и истории Венеции. Открытие в 1492 г. Нового Света вскоре отразится на экономике всех государств мира; в 1494 г. французский король Карл VIII вторгся в Италию, положив начало долгой череде военных конфликтов, в результате которых Италия, бывшая прежде активным субъектом европейской политики, превратилась в пассивный объект, в театр военных действий, где сталкивались такие мощные национальные державы, как Испания и Франция. Испания, одержав верх, навязала свою опеку целому ряду мелких итальянских государств.

Только Венеции по-прежнему удается сохранять свою независимость. «Пожалуй, никогда еще вниманию человечества не предлагали столь удивительный пример исторической несообразности, какой явила нам Венеция конца XV — начала XVI в. Эта держава, в сущности такая же, как и прочие современные ей государства, упорно стремится идти против времени и отчаянно изо всех сил пытается сохранить безвозвратно уходящее прошлое. Она выигрывает в борьбе, казавшейся изначально безнадежной, и продолжает свое вневременное существование вплоть до конца XVIII столетия» (Р. Романо).

Вторжение Карла VIII в Италию и его победоносное шествие до самого Неаполя, более всего напоминавшее военный парад, напрямую Республику не затронули. Как пишет в 1494 г. Филипп де Комин, венецианцы были скорее склонны «помогать» его суверену, нежели «препятствовать» ему. Действительно, Венеция старается сохранить нейтралитет, опасаясь в случае, если крестовый поход, задуманный французским королем, окончится неудачей, утратить свои позиции на Средиземном море, но еще более страшась, что в случае военных успехов этого короля на континенте она приобретет чересчур могущественного соседа: «опасно заключать союз со столь великим монархом, — пишет Доменико Малипьеро, — ибо при нашей поддержке как бы он не стал нашим соседом».

Таким образом, в 1495 г. Республика, повинуясь логике событий, примыкает к сложившейся антифранцузской коалиции. В битве при Форново союзные войска, большую часть которых составляли венецианцы, одержали победу, однако препятствовать возвращению войск неприятеля во Францию они не намеревались. Пользуясь ситуацией, венецианцы захватывают Бриндизи, Трани и Отранто. Заключив союз с восставшими пизанцами, они помогают им обороняться от Флоренции, соперничество которой на Средиземном море становится для Республики опасным. Сражения продолжаются до 1498 г., однако без особых результатов.

Людовик XII, преемник Карла VIII, также стремится ввязаться в итальянскую авантюру; с ним Республика в апреле 1499 г. подписывает Блуаский договор. В случае победы король Франции оставляет за собой давно желанное герцогство Миланское, а венецианцам обещает Кремону и территории, расположенные к востоку от реки Адды до ее слияния с По. В сентябре Республика захватывает Кремону и извещает весь мир о своей победе, укрепляя тем самым свою «репутацию». В этом акте в полной мере проявилась страсть, которую Макиавелли называл «страстью к господству». В самом деле, воспользовавшись падением Чезаре Борджиа, случившимся вскоре после смерти его отца, папы Александра VI, венецианцы, не теряя времени, берут ряд городов в Романье[7]: Фаэнцу, Римини и Фано.

За отказ пропустить через свои территории Максимилиана Австрийского, направлявшегося в Рим на коронацию, венецианцам пришлось вступить в вооруженный конфликт с империей. Вскоре они захватывают Горицию и Триест — и ухитряются сохранить их за собой даже при подписании в июне 1508 г. мирного соглашения. Никогда еще Терраферма Республики не была такой обширной!

Преемник Александра VI на престоле Святого Петра — Юлий II, прозванный «грозным», с одной стороны, требует от Венеции возвращения Романьи как территории, принадлежащей Церкви, а с другой — желает урезать притязания государства в отношении венецианского духовенства (речь идет о десятине и назначении епископов). 10 декабря 1508 г. Франция, германский император, Испания, Флоренция и Феррара заключают союз, получивший название Камбрейской лиги (в марте 1509 г. к ней присоединился Юлий II); целью его становится расчленение венецианских владений на материке. Узнав об этом, дож Леонардо Лоредан, выступая перед Большим советом, заявляет, что в случае поражения «мы потеряем прекрасное государство, а значит, и Большой совет, и весь наш свободный город», и призывает граждан к единению. 27 апреля 1509 г. Юлий II подвергает Республику интердикту, однако власти запрещают публиковать папский документ на всех подчиненных

7 Романья (Romagna) — историческая область в Италии.

им территориях.

14 мая 1509 г. из-за распрей между двумя кондотьерами, поставленными во главе войска, венецианцы терпят сокрушительное поражение при Аньяделло. Когда известие об этом дошло до Венеции, «все, — по словам Санудо, — застыли словно мертвые и погрузились в великую печаль»; «все рыдали, площадь Сан-Марко опустела, главы Коллегии места себе не находили, но более всех печалился наш дож; убитый горем, он сидел молча, и можно было подумать, что он умер». «Венеция залилась слезами и погрузилась в отчаяние», — будет сказано в одной из французских песен, где упоминается о бедах Светлейшей, куда после разгрома хлынули толпы беженцев.

Вскоре Верона, Виченца и Падуя открыли свои ворота перед имперскими комиссарами; неаполитанский король вернул себе порты в Апулии; герцог Феррарский вновь занял Ровиго, Монселиче и Полезине; папский легат опять вступил во владение городами Романьи. Оказывают сопротивление только Тревизо и Фриуль. Войска коалиции подходят почти к самым берегам лагуны. 24 февраля 1510 г. Венеция вынуждена была согласиться с требованиями папы Юлия II.

5 октября 1511 г. Венеция вступает в Святую лигу — союз, созданный папой против Франции, к которому присоединяются Испания и Англия. 11 апреля 1512 г. французы одерживают победу при Равенне, но теряют Миланскую область.

Постепенно благодаря поддержке Франциска I, который, одержав победу при Мариньяно (сентябрь 1515), вновь захватывает Милан, Республика возвращает себе утраченные территории; союзниками венецианцев в этой борьбе выступают также крестьяне, живущие на материке. Ведение войны сопряжено с тяжким бременем потерь и расходов; если взять, к примеру, Брешию, то картина будет выглядеть следующим образом: с 1509 по 1512 г. она находится в руках французов; в 1512 г. она на две недели возвращается Венеции; затем, с 9 февраля по 28 октября того же года, она опять французская, а далее по май 1513 г. — испанская; в июне область вновь переходит к Венеции; в том же месяце и до мая 1516 г. она попадает под власть Испании и только затем окончательно отходит к Республике.

В 1517 г. к Повелительнице возвращаются все ее материковые владения; с конца XV и до начала XVI в. она не высказывает открыто свои территориальные притязания.

До 1529 г. Венеция остается верна союзу, заключенному ею с французами. Разгром армии Франциска I при Павии, случившийся 25 февраля 1525 г., повергает ее граждан в смятение. Вот что пишет об этом историк Парута: «Великая и выдающаяся победа испанцев породила среди венецианцев большие сомнения и беспокойство… ибо французские силы были разбиты, а другие итальянские державы были настолько слабы и запуганы, что одни только граждане Венеции казались в состоянии защитить свободу Италии от мощи империи».

В мае 1526 г. Венеция присоединяется к заключенному в Коньяке союзу против Карла V. Однако силы императора превосходят силы союзников, и в 1527 г. войска Карла начинают осаду Рима, вызвав тем самым возмущение всего христианского мира. В декабре 1529 г. в Болонье Республика подписывает с императором компромиссное соглашение. Отказавшись от городов Романьи и Апулии, отвоеванных ею в 1528 г., она предоставляет Карлу полную свободу действий в Италии, а тот, в свою очередь, не покушается на ее собственную независимость.

После 1535 г., т. е. после смерти последнего Сфорцы, когда правителем Милана становится император, Венеция делает попытку воспрепятствовать испанскому господству. В 1539 г., выступая с проповедью в церкви дел Фрари, Бернардино Окино заявляет: «Я окидываю взором всю Италию: нет в ней больше ни крепости, ни города, кои бы не дрогнули, не склонились; и только сей город по-прежнему стоит, гордо подняв голову».

Всю вторую половину XVI в., после того как в 1557 г. испанский трон перешел к Филиппу II, ставшему властелином Испании, Неаполя, Милана, Франш-Конте и Нидерландов, Венеция старается держаться в стороне от военных действий, вновь вспыхнувших между Испанией и Францией. Франко-испанский конфликт завершился в

1559 г. подписанием соглашения в Като-Камбрези, по которому Италия перешла под власть Испании. Италия — но не Венеция; Светлейшая и ее владения на материке (Терраферма) остались в конечном счете единственными подлинно свободными от всякой зависимости землями.

Потери на Средиземном море

Вспоминая о традиционном обряде обручения дожа с морем, Дю Белле пишет: «Эти старые рогоносцы берут в жены море, а оно изменяет им с турками». Уже в 1538 г. в своих «Сожалениях» французский поэт иронически взирает на Венецию, столкнувшуюся с неверными и их победами в восточной части Средиземноморья.

В августе 1499 г. и в июне 1500 г. флот Светлейшей, разбитый турками, не мог воспрепятствовать их захвату Лепанто. В 1502 г. Джироламо Приули отмечает в своем «Дневнике»: «Город Венеция находится в чрезвычайно тяжелом положении, ибо его снедает страх потерять свои заморские владения, откуда проистекают почести и выгоды для государства». В 1503 г. Венеция уступает туркам Модон и Корон и заключает с ними мир.

Турецкая экспансия продолжается в годы правления султанов Селима (1512–20) и Сулеймана Великолепного (1520–66): в 1516 г. турки ведут наступление в Египте и Сирии, в 1522 г. — на Родосе и побережье Магриба. В 1537 г. подвергается нападению венецианский флот. Упорное сопротивление защитников крепости Корфу заставляет неверных отступить, но Нафплион и Монемвасия на восточном побережье Пелопоннеса для Венеции потеряны.

В 1571 г. после долгой и упорной борьбы Венеция теряет Кипр. Разграблены Никосия и Фамагуста; венецианские офицеры и проведитор Маркантонио Брагадин после жестоких пыток казнены.

Христианский мир возмущен, и в мае 1571 г. в Риме заключается соглашение, направленное против неверных; его подписывают Венеция, Испания и Папская область. Союзники собираются летом в Мессине; командование поручается дону Хуану Австрийскому, Агостино Барбариго и Себастьяно Веньеру, возглавившему венецианский флот. 7 октября возле Лепанто союзники встречаются с турецкой армадой и наносят ей сокрушительное поражение. Потери неверных составляют более 200 кораблей и 20 тыс. человек. Вернувшись домой, венецианцы отмечают свою победу целым рядом пышных празднеств и сооружением различных монументов: торжественная процессия в церкви Санта-Джустина с участием дожа и Синьории отныне становится ежегодной; перестраивается и украшается портал Арсенала; сооружается храм Санти-Джованни э Паоло; во Дворце дожей зал для голосований и зал заседаний Коллегии украшают картины, прославляющие доблестный венецианский флот.

Но хотя в надгробном слове, произнесенном в соборе Сан-Марко в память о погибших при Лепанто, Парута с чувством заявляет: «Мы считали турок непобедимыми, но битва эта научила нас, что турок тоже можно побеждать», — триумф христиан имел скорее моральное, нежели стратегическое значение. В марте 1573 г. Венеция, подписывая мир с султаном, подтвердила свой отказ от Кипра.

XVI век на берегах лагуны завершился еще одной трагедией. В 1575–77 гг. страшная эпидемия чумы унесла более 50 тыс. жизней; среди ее жертв — Тициан. В 1577 г. дож — во исполнение данного им обета — закладывает первый камень будущей церкви Иль Реденторе; сооруженная по проекту Палладио, она будет освящена в 1592 г.

XVI век: застой в экономике

В 1490 г. Марино Санудо описывает чарующую картину процветания на берегах лагуны: «Все покупают и живут как настоящие сеньоры… И хотя в этом городе ничего не произрастает, тем не менее в нем всего в изобилии, ибо все поступает сюда изо всех городов и частей света, особенно то, что потребляется в пищу… А все потому, что все здесь богаты».

Однако спустя некоторое время в Венеции начинается череда банкротств: Бальби в 1495 г. (200 тыс. дукатов), Альвизе Никета в 1497-м (10 тыс. дукатов), Альвизе Гримани в 1498-м (16 тыс. дукатов), Андреа Гарцони (150 тыс. дукатов) и Томмазо Липпомано (120 тыс. дукатов) в 1499 г. Не являются ли эти банкротства — отметим, однако, что подобное происходит в это же время и в других городах полуострова — первыми признаками надвигающегося кризиса венецианской экономики? Но каковы тогда его причины и предпосылки?

В свои «Анналы» Доменико Малипьеро заносит новость об открытии Колумбом Америки: «Армада католического короля нашла новую страну и от его имени ее завоевала… Там она обнаружила месторождения различных металлов; земля в крае том чрезвычайно плодородна; реки там настолько богаты, что в них можно вылавливать золото. Там произрастают пряности… Они нашли там древесину, алоэ, корицу». Спустя немного времени Васко да Гама, достигнув Малабарского берега, по морю привез в Лиссабон пряности, и ему не пришлось ни платить пошлины, ни проезжать через Египет или Венецию. В августе 1499 г. весть о новом путешествии дошла до Венеции и вызвала там немалое беспокойство. В 1502 г. создается специальная комиссия, в задачу которой входит «не допустить, чтобы король Португалии перехватил наше золото и серебро и уничтожил нашу торговлю и наше процветание», а в Сенат вносится предложение: прорыть канал, соединяющий моря Средиземное и Красное. В 1506 г. создается Совет мудрецов по торговым делам *(Savi alla Mercanzia),* в задачу которого входит рассмотрение проблем внешней торговли.

Путешествие Колумба не прошло бесследно для Лиссабона и для развития его экономики, тем более что Португалия находится гораздо ближе от Лондона и городов Ганзы, чем Венеция, для которой экономический спад, наступивший в результате этого путешествия, оказался значительно менее серьезным, чем полагала она сама и как долгое время считали историки. С одной стороны, получив прямой доступ к источникам пряностей, португальские купцы выбросили на рынок огромное их количество, и цены на пряности поползли вниз; но португальцы не смогли все распродать, а тем более управлять рынком, на котором уже давно и успешно главенствовали венецианцы. С другой стороны, новые конкуренты Светлейшей не имели доступа к другим заморским товарам (шелкам, хлопку, коврам, кораллам), поставщиком которых по-прежнему являлись средиземноморские страны Леванта. Доставка товаров из этого региона после 1520 г. возобновляется, а к 1560 г. даже удваивается.

В 1532 г. из Венеции отплывает последний конвой венецианских галер в направлении Эг-Морта и Лондона, а в 1569 г. такой же конвой следует в сторону Александрии. Таким образом, просуществовавшая до конца XV в. распределительная функция Венеции в течение следующего века неуклонно сокращается.

С континентальной торговлей дела обстоят совершенно иначе, о чем свидетельствует открытие в 1508 г. нового Немецкого подворья (Фондако деи Тедески), реконструированного после случившегося незадолго до того пожара. В 1509 г. купцы, ведущие торговлю на континенте, «едут покупать в Венецию, ибо в иных местах ничего нет… Если они хотят запастись пряностями или иными необходимыми продуктами, им приходится ехать в Венецию».

Венеция является важным центром международной торговли, она также перерабатывает сырье в готовые продукты: золотые и серебряные изделия, стеклянные изделия и посуду, зеркала, кружева, выделанные кожи, ткани, шитые золотой и серебряной нитью. Вызывая восхищение у чужестранцев, Мерчерия, главная торговая улица города, являет собой своеобразную витрину, где в изобилии выставлена вся вышеназванная продукция.

Отдалившись от моря, венецианский капитализм обратил свои взоры на производство шерсти. В 1523 г. Венеция производит 4413 штук сукна; в 1532-м — 6336, в 1550-м — 11 558, а в 1602 г. — 28 729 штук.

Наконец, на берегах лагуны утверждается совершенно новое, современное производство, а именно книгопечатание, к которому мы еще вернемся в силу его значимости

для культуры. В XVI в. в городе насчитывается не менее пяти десятков издателей-печатников. Каждый из них издает около двадцати книг, из которых десяток идет на рынок не менее чем в сорока экземплярах, и, таким образом, Венеция выпускает книг в три раза больше, чем Флоренция, Милан и Рим вместе взятые.

Мы говорили о банкротствах банков, случившихся в конце XV в. Однако в XVI в. финансовое состояние Республики по-прежнему неблагополучно. Как пишет Мартино Мерлини, «серебра не сыскать совершенно, ибо все снесено на монетный двор; то же самое можно сказать и о золоте; никогда еще этот город не был таким бедным, как сейчас». Причина состоит в том, что война с Камбрейской лигой стоила венецианской казне более миллиона дукатов. С другой стороны, если в 1504 г. военный флот насчитывал 125 кораблей, то спустя сорок лет их стало 155.

Рост государственных долгов и налогов приводит правительство к мысли о необходимости реорганизовать налоговую систему, которая всегда была ориентирована прежде всего на прямые налоги и только во вторую очередь на пошлины с товаров. В 1524 г. учреждаются должности банковских проведиторов *(Proveditori ai banchi),* в задачу которых входит контроль за деятельностью банков. В течение второй половины XVI в. «набирает силу идея формирования бюджета» (Тирье). В 1571 г. основные источники доходов Республики распределяются следующим образом: 700 тыс. дукатов дает Повелительница, 800 тыс. — Терраферма и 500 тыс. — колонии. Постепенно становится ясно, что отныне колонии приносят едва ли не столько же, во сколько сами обходятся казне, а основной доход дают континентальные владения.

В самом деле, в XVI в. в Венеции (и в других областях итальянского полуострова) наблюдается своего рода возврат к земле. В 1586 г. в материковых владениях Республики проживают 2670 тыс. человек, а следовательно, они заселены достаточно густо: Верона насчитывает 52 тыс. жителей, Брешиа — 43 тыс., Падуя — 34 тыс. жителей. Инвестиции Повелительницы в этот регион, являющийся рынком сбыта для венецианской продукции, постоянно возрастают. Владение землей позволяет чувствовать себя застрахованным от превратностей судьбы, оно рентабельно и престижно. С конца века начинаются первые распродажи общинных земель и создаются ассоциации для мелиорации и рационального землепользования. Патриции строят виллы и дворцы на берегах Бренты, возле Виченцы и Вероны, а также в районе Тревизо. В начале XVII в. венецианцам принадлежит 38 % земель на территории Падуи, 27 % — на территории Ровиго и 18 % — на территории Тревизо. «Менталитет правящего класса, всегда бывшего классом купцов, постепенно становится менталитетом крупных земельных собственников, а это совершенно иная манера считать и мыслить» (М. Эмар). В конце XVI в. вялая экономика порождает «усталость умов, неспособность воспринять новую ситуацию и вписаться в нее» (Романо).

XVI век: расцвет литературы

В предыдущей главе мы говорили о том, что в XV в. венецианская историография выполняла совершенно особую функцию, заключавшуюся в необходимости оправдать действия Республики и доказать их легитимность. После войны с Камбрейской лигой ориентация эта стала еще более определенной. Наряду с газетами и мемуарами частных лиц (среди которых записки Санудо, получившего разрешение Сената работать в государственных архивах) важно в связи с этим упомянуть официальную историографию, занявшуюся созданием венецианского мифа. Андреа Наваджеро (1483–1529), аристократу, получившему образование в Падуе и побывавшему послом в Мадриде и Франции, поручается задание написать на латыни «хорошим слогом, красноречивым и выразительным», историю Венеции, ибо — согласно ясному заявлению Сената — «репутацию следует считать одним из главных столпов государства». В 1530 г. дело Наваджеро продолжает известный писатель Пьетро Бембо, назначенный Советом десяти историографом Республики, чтобы творить «во имя чести и славы нашего государства». Его

сочинение примечательно по трем причинам: во-первых, Бембо использует разнообразнейшие источники, во-вторых, уделяет большое внимание географическим открытиям и, в-третьих, переводит свой труд с латыни на народный язык, чтобы он был доступен широкой публике.

В 1449–50 гг. Лауро Квирини пишет сочинение «О республике» *(De republics),* а после 1531 г. Гаспаро Контарини публикует трактат «О судьях и государстве венецианских» *(De magistratibusetrespublicaVenetorum).* Эти два политических трактата являют собой образцы стремления господствующего класса подвести под республиканские институты и свою собственную практику управления теоретическую и правовую основу. Так, патриций Контарини представляет свою родину идеальным государством, сумевшим надолго и гармонично соединить три типа правления: монархическое, аристократическое и демократическое; такое видение государства поистине превращало политическую утопию в реальность!

Уже упомянутый выше Пьетро Бембо (1470–1547), еще один патриций, сформировавшийся под влиянием великих гуманистов, в 1505 г. публикует «Азоланские беседы» *(Asolani),* диалогический трактат на народном языке — в прозе и стихах — о возвышенной любви (тема, вдохновлявшая неоплатоников и бывшая тогда в моде). Его «Стихотворения» *(Rimes, 1530)* написаны под влиянием Петрарки, как, впрочем, большая часть тогдашней лирической поэзии. Трактат «Рассуждение в прозе о народном языке» *(Prose delta volgar lingua, 1525)* снискал ему известность не только в Венеции, но и во всей Италии. В нем он развивает теорию «национального» литературного языка, отличающегося высокой степенью точности и ориентированного на великие образцы — язык Данте, Петрарки и Боккаччо, однако не чуждого и определенным современным веяниям. Бембо поддерживает тесные контакты со многими интеллектуалами своего времени, а также с венецианскими издателями. В 1469 г. Сенат впервые дарует привилегию печатнику (прибывшему из Германии), ибо — как сказано в мотивировочной части его постановления — «такое изобретение (книгопечатание), совершенно неведомое в прошлом, принадлежит нашей эпохе, и его должно насаждать и развивать». В XVI в. Венеция становится одним из крупнейших издательских центров Европы.

Самым известным типографом, способствовавшим успехам книгопечатания, стал Альд Мануций (1450–1515). Ученый-гуманист, он обосновался в Венеции в 1488 г., обучился новому ремеслу и вскоре открыл собственные типографию и издательство. Тщательно заботившийся о филологической подготовке и оформлении своих книг, живо впитывавший любые новшества культуры, основатель Академии, где обсуждались вопросы книгоиздания, он печатает латинских и греческих классиков, великих итальянских авторов, а также своих современников. В период с 1507 по 1509 г. он числит среди своих друзей и сотрудников Эразма, который публикует в его издательстве переводы Еврипида и свою книгу пословиц *(Adages).*

В 1536–1606 гг. издательство «Джолито» вносит в свой каталог около 290 авторов и выпускает 1019 книг! Первое крупное предприятие книжной индустрии нового времени «Джиолито» выпускает серийные издания и рекламу; значительное внимание там уделяется театральной литературе и трактатам (жанр, характерный для XVI в.).

Венецианские издатели поддерживают лирическую поэзию; желая угодить читательскому вкусу, они часто издают поэтические сборники, объединяющие под одной обложкой нескольких авторов. Среди венецианских поэтов выделяется фигура Гаспары Стампы (1523–54), женщины, получившей прекрасное образование, в частности и музыкальное; в 1531 г. она переезжает из Падуи в Венецию, где ведет жизнь «честной куртизанки», находя себе клиентов среди сильных мира сего. Ее «Стихотворения» являются одним из самых утонченных свидетельств женской чувствительности той эпохи, когда женщины, владеющие слогом, встречались довольно часто (к ним принадлежала также Вероника Франко, еще одна венецианская поэтесса-куртизанка, которой был восхищен Монтень).

Типографы, определявшие издательскую политику, также уделяли большое внимание новеллам, жанру, снискавшему изрядный успех в период итальянского Чинквеченто. Венецианская новелла, отмеченная, разумеется, влиянием Боккаччо, разрабатывает географические темы и повествует о невероятных приключениях. Парабоско (1529–57) вкладывает свои рассказы в уста венецианских интеллектуалов или же путешественников, которые, оказавшись в Венеции проездом, решают два-три дня провести на берегах лагуны. Тот же мир, населенный мореплавателями и гуманистами (да к тому же еще и карнавальный), становится своеобразным обрамлением для новелл Страпаролы «Приятные ночи» *(Piacevoli notti,* ок. 1550).

Привлеченный царящей в городе свободой слова и его издательским рынком, в 1527 г. в Венецию приезжает тосканец Аретино и живет там до самой смерти (1556) Справедливо получивший прозвище «бич государей», сей разносторонний сочинитель умело использует обличительную речь, намек, похвалу и упрек, не гнушается даже шантажа, и все это ради того, чтобы снискать милость владык всей Европы. Понимая возможности книгопечатания как самого нового средства массового общения, он пишет множество сочинений в самых разных жанрах и становится создателем нового, злободневного направления в литературе; не пренебрегает он и такими жанрами, как театр, агиография и порнография; последний жанр представлен его «Беседами куртизанок» *(Radgionamenti).*

В начале XVI в. в Венеции начинают играть комедии, их ставит любительская труппа «Делла Кальца», упоминавшаяся в предыдущей главе; комедия, забытый и вновь возрожденный театральный жанр, имеет на берегах лагуны огромный успех. Помимо «народных» постановок, где сюжетная основа сочетается с обильной импровизацией, начинают давать также пьесы, созданные на полуострове (и среди них «Мандрагору» Макиавелли). Самым крупным комедиографом в Венеции становится падуанец Анджело Беолько по прозвищу Весельчак *(Ruzante)* (1496–1542); ему покровительствует патриций Альвизе Корнаро. Беолько — человек театра в полном смысле этого слова; плодовитый автор, он не только сам пишет пьесы, но и сам их ставит и сам в них играет. В то время, когда, по словам одного из его героев, вокруг «война, разруха, эпидемии и голод», он обращается к миру крестьян, где по-прежнему в почете простые человеческие ценности. Для придания большей выразительности речи своих персонажей автор прибегает к смешению наречий, используя наряду с литературным языком местные диалекты (бергамский, падуанский, венецианский).

Примерно 1536 г. датируется «Комедия о венецианских дамах» *(Comedie des dames de Venise* или *Venexiana)* анонимного автора; создатель ее, скорее всего принадлежавший к миру театра, использует в качестве декорации саму Венецию (ее дома, улицы, каналы, ремесленные мастерские) и на этом фоне разыгрывает «подлинный» случай: соперничество двух женщин, стремящихся добиться благосклонности одного молодого человека.

Звезда театра венецианского Чинквеченто закатывается с уходом Андреа Кальмо (1510–71), автора и актера, написавшего шесть комедий в прозе, где также присутствует отмеченное выше смешение языков. Комедиограф переходного периода, Кальмо в своем творчестве ориентировался на фарс, предвосхищая грядущую эру комедии дель-арте *(commedia dell'arte).*

Апогей в развитии живописи и архитектуры XVI в

В XVI в. архитектура и градостроительство Венеции переживают два важных периода: в 1527–60 и в 1560–80 гг. Главным творцом первого считается назначенный в 1529 г. руководителем городских работ Якопо Сансовино; Андреа Палладио, последователь Сансовино, становится героем второго периода.

Избранный дожем в 1523 г. Андреа Гритти мечтает превратить Венецию в «новый Рим». Воплощением этой идеи должен стать политический и религиозный ансамбль Сан-Марко. Венеция, единственный крупный город в Италии, не имевший римского прошлого,

заново создает классицизм. После разграбления Рима в 1527 г. она гостеприимно распахивает двери перед такими художниками, как Сансовино и Санмикели. Сансовино (1486–1570), родившийся во Флоренции и получивший образование в Риме, более сорока лет задает тон венецианской архитектуре. Он завершает Старые прокурации *(Procuratie vecchie),* реставрирует собор и колокольню, строит Монетный двор *(Zecca),* Лоджетту *(Loggetta)* и библиотеку Сан-Марко *(Libreria)* и превращает Пьяццетту *(Piazzetta)* в единое пространство, обрамленное с двух сторон галереями.

Назначенный в 1535 г. инженером, отвечающим за фортификационные сооружения лагуны, Микеле Санмикели (1484–1559) сооружает величественный дворец Гримани на Большом канале, а также отличающийся строгой простотой дворец Корнер в Сан-Поло.

В 1570 г. главным архитектором Республики становится Палладио (1508–80); он получает заказы от богатых патрициев и строит для них чудесные загородные виллы с классическими фасадами; многие из этих вилл до сих пор украшают берега Бренты. В Венеции к его работам относится церковь Сан-Джорджо Маджоре и церковь Иль Реденторе, где мастеру удалось достичь гармоничного сочетания структуры античного храма с тремя нефами христианской церкви. Вплоть до XVIII столетия работы Палладио считались непревзойденным образцом европейского неоклассицизма; он стал единственным архитектором, сумевшим приспособить наследие античности к формам современной жизни.

Антониода Понте (1512–97) и Винченцо Скамоцци (1552–1616) — скромные последователи Сансовино и Палладио. Первый построил мост Риальто; второй завершил сооружение библиотеки Сан-Марко и построил Новые Прокурации *(Procuratie nuove)* на южной стороне площади Сан-Марко.

В XVI в. венецианская живопись достигает невиданного расцвета, отмеченного творчеством Джорджоне, Лотто, Тициана и Веронезе. Джорджоне (1477/1478–1510) — первый венецианский художник-гуманист. Работая в основном по заказам частных лиц, он пишет «Грозу», «Трех философов», «Спящую Венеру» — картины, исполненные платонической духовностью и ускользающим смыслом. В его творчестве художественное полотно становится сродни тексту, смысл которого доступен только узкому кругу посвященных.

Лоренцо Лотто (ок. 1480–1506) воплощает в своем творчестве меланхолическую концепцию жизни и изобретает новое ментальное и психологическое пространство. В Венеции остается его «Портрет молодого человека», волнующее полотно «Св. Николай» (Кармине), «Милосердие св. Антония» (Санти-Джованни э Паоло).

Вершиной венецианской живописи стало творчество Тициана (ок. 1490–1576). Под знаком этого мастера проходят три первые четверти XVI в. За время долгой и активной жизни художника творчество его претерпело сложную эволюцию. Ранние работы представляют собой «классический» период, когда он, выполняя заказ Альфонса д'Эсте, создает ряд полотен на мифологические сюжеты — «Алтарь Пезаро» (Деи Фрари), «Введение Марии во храм» (Галерея Академии), «Венера Урбинская», а также многочисленные портреты (Карла V, Франциска I и др.). Затем, с 1538 по 1551 г., Тициан переживает период увлечения маньеризмом, отмеченный рядом парадных работ, в частности росписью потолка церкви Санто-Спирито ин Изола и конного портрета Карла V, монарха, который возвел художника в рыцарское звание. В 1551 г. Тициан окончательно поселяется в Венеции, где создает драматические, исполненные высокого духовного накала произведения, такие, как: «Мученичество св. Лаврентия» для церкви Иезуитов и «Благовещение» для церкви Сан-Сальвадор. Художник мастерски передает нереальную атмосферу отрешенности от мира, страданий и страстей своих героев.

Паоло Веронезе (1528–88) пишет для зала заседаний Совета десяти полотна аллегорического и мифологического содержания, украшает зал Коллегии и, наконец, для зала Большого совета создает полотно «Триумф Венеции»: красочное изображение событий из истории города, где переплелись быль и миф. Веронезе также выполняет церковные заказы, в частности для церкви Сан-Себастьяно. В Венеции сохранилось множество его произведений.

В 1573 г. он создает «Тайную вечерю», вызвавшую возмущение инквизиции: наряду с традиционными персонажами художник изобразил на полотне множество нелепых существ (карликов, шутов, пьяниц…). Пришлось ему также изъять из церковного убранства картину «Трапеза у Левия».

Подлинно венецианским художником считается Тинторетто (1518–94), воспевающий в своих произведениях благочестие и гражданские власти. «Тайная вечеря», созданная для церкви Санта-Маркуола, поражает контрастами света и тени и композиционным расположением персонажей. Полотна «Чудо освобожденного раба» и «Святой Рох», выполненные в роскошной живописной манере, полны большого драматического смысла. В последние годы жизни Тинторетто получал много государственных заказов, писал торжественные полотна для Дворца дожей (гигантская картина «Рай», заполнившая стену зала Большого совета); его работы, созерцательные либо исполненные печального лиризма, украшают стены церкви Сан-Джорджо Маджоре. Он также расписал стены и потолки Скуола Гранде ди Сан-Рокко.

Венецианская музыка в XVI в

Дож Гритти, уже упоминавшийся нами в связи с его политикой градостроительства, внес свой вклад и в формирование музыкального облика города; именно он потребовал от прокураторов Сан-Марко пригласить фламандца Адриена Виллаэрта на должность капельмейстера собора. С 1527 г. и до самой смерти, настигшей его в 1562 г., Виллаэрт блестяще исполнял свои обязанности. Особенным успехом пользовались его мадригалы.

Среди учеников Виллаэрта выделяются Андреа Габриэли, Дзарлино и Парабоско. Габриэли (1510–86), служивший органистом в соборе Сан-Марко с 1564 г. и до конца своих дней, написал немало выдающихся произведений церковной и светской музыки. Его племянник Джованни (ок. 1657–12), ставший его преемником, без сомнения, является одним из самых значительных представителей венецианской музыкальной школы, в чьем творчестве нашли воплощение полифонические идеалы Ренессанса.

Дзарлино (1517–90), капельмейстер в соборе Сан-Марко, известен прежде всего как музыкальный теоретик. Его предшественник, Джироламо Парабоско (бывший, как мы уже видели, еще и рассказчиком) преуспевал в жанре мадригала. Друг Аретино и Тициана, он олицетворял гармоническое равновесие, достигнутое венецианской культурой XVI в.

XVII столетие, или упадок

Век Людовика XIV, великая эпоха во Франции, стал для Италии в целом веком политического порабощения и экономического упадка. А каково было положение Венеции? Ниже мы попытаемся ответить на этот вопрос, на который до сих пор не получено однозначного ответа.

Родившийся неподалеку от Анконы папский чиновник Траяно Боккалини, решительный противник соглашения между папой и Испанией, в 1612 г. бежал в Венецию, где издал свои сатирические заметки, которые не могли быть опубликованы ни в одном другом городе Италии. В них он заявляет: «Что можно сравнить с Венецией, с этим знаменитым во всем мире рынком, городом, утоляющим любопытство и дающим пищу для глаз… надежным убежищем для тех, кто вынужден покинуть родину, спасаясь от гнева государя?»

В начале XVII в. такое суждение разделял целый ряд интеллектуалов, ставших гостями города в лагуне. Это, впрочем, не означает, что город превратился в оплот ереси. В самом деле, в 1605 г. Ботеро, политический писатель из Пьемонта, заявлял, что «нет другого такого места, где бы церкви и проповеди посещались столь усердно, священнослужители были бы столь почитаемы, религиозный культ имел бы столь достойное отправление, а церковные праздники отмечались бы с такой пышностью». Но хотя Венеция не ставит под сомнение следование римской доктрине, она ревностно отстаивает свою юрисдикцию над собственным

духовенством. Поэтому она неизбежно вступает в конфликт с папской властью, названный «войной интердиктов»; этот поединок приковал к себе внимание всей Европы. Несгибаемый защитник папской власти, Павел V в 1605 г. изъявляет желание призвать в Рим и устроить экзамен новому патриарху Венеции, назначенному Сенатом. В тот же год Совет десяти принимает суровые меры против двух венецианских клириков, повинных в тяжких преступлениях, и отказывается передать виновных церковным властям. Вследствие этого папа налагает на Республику интердикт. В мае 1606 г. следует ответный шаг: папское послание объявлено не имевшим места, а священникам приказано продолжать совершать таинства. Чтобы не подчиняться такому приказу, некоторые ордена — в том числе и иезуиты — предпочли покинуть Республику.

Вдохновителем «протеста» Светлейшей явился сервит Паоло Сарпи, назначенный в январе 1606 г. экспертом Республики по делам религии. Представляя венецианскую сторону, он поддерживает позицию, согласно которой «государи по божественному промыслу, изменить который не может никакая людская власть, призваны устанавливать мирские законы на территории, им подвластной, и в пределах их юрисдикции». Римская же сторона придерживается тезиса об абсолютной власти папы, который вправе и диктовать государствам мирские законы, и — следовательно — отменять их. «Война посланий», начавшаяся между двумя столицами, набирала обороты.

В Европе никто не хотел доводить дело до вооруженного конфликта. Инициатором переговоров в лице кардинала Жуайёза становится Франция. Формально Венеция сохраняет свои прерогативы. Папа соглашается не использовать более интердикт как средство государственного давления. И хотя это проявление независимости Венеции было названо «лебединой песней» Республики (Бенцони), тем не менее оно снискало ей восхищение многих политических мыслителей и интеллектуалов того времени, равно как и яростную ненависть папистов. И все же неортодоксально мыслящие личности постепенно покидают город…

В делах светских Венеция первой половины XVII в. также сталкивается с многочисленными трудностями. Притязания Габсбургов вынуждают ее принять меры по обеспечению своей безопасности. В 1616–17 гг. на границах Фриуля ей противостоят австрийцы. Изматывающий, но, в сущности, безрезультатный конфликт, названный «войной Градиска» (что примерно означает «война в кружевах»), завершается в 1617 г. благодаря посредничеству испанцев. В 1623 г. Республика заключает союз с Францией и Савойей против Испании, чтобы защитить долину Вальтеллина, через которую проходит важный торговый путь в Центральную Европу. Когда начинается борьба за наследие герцогов Мантуанских, 8 апреля 1629 г. Венеция вместе с Францией, Папской областью и Мантуей создают антиимперскую лигу. 25 мая 1630 г. венецианская армия потерпела поражение, а проведитор позорно бежал с поля боя. Однако этот единичный печальный факт только подчеркивает очевидную несопоставимость венецианской континентальной армии с армиями крупных европейских держав. С этого времени в своей европейской политике Светлейшая начинает открыто руководствоваться принципами нейтралитета.

Больше всего осложнений Венеция испытывает на море. В XVII в. война с корсарами становится одной из основных составляющих средиземноморской торговли, своего рода ее «ведущей отраслью» (Тененти). Берберские, английские и голландские корсары, мальтийские рыцари и спавяне-ускоки с хорватского побережья яростно нападают на корабли, захватывая не только товары, но и людей, чтобы продать их работорговцам.

Особенно крупные неприятности причиняют венецианцам легкие и быстрые пиратские корабли ускоков, которых втайне поддерживали Габсбурги. Согласно мирному договору, подписанному в Париже после «войны Градиска», австрийцы взяли на себя обязательство положить пиратству конец. Подобное условие свидетельствует об утрате венецианским флотом своего былого могущества. «Венеция больше не в состоянии вести войну», — пишет в 1617 г. один из учеников Сарпи.

Вывод небезоснователен, однако излишне пессимистичен. Об этом свидетельствуют

результаты военных действий против турок. Обвинив венецианцев в пособничестве мальтийским рыцарям, совершавшим нападения на турецкие корабли, султан в 1645 г. начинает наступление на Крит и захватывает Ханью. Разгорается конфликт, затянувшийся более чем на два десятилетия; за это время происходит немало кровавых битв, в которых отличаются генералы и адмиралы, христианские государства возмущаются натиском неверных, но тем не менее крайне редко оказывают Венеции военную помощь. 6 сентября 1669 г. проведитор Франческо Морозини вынужден вступить с турками в переговоры, а затем покинуть остров. Потеря эта имела не столько экономическое, сколько морально-стратегическое значение.

По случаю наступления на Вену, предпринятого в 1683 г. неверными, Светлейшая заключает союз с папой, императором и польским королем. После ряда экспедиций она возвращает себе Пелопоннес. В январе 1699 г. Карловицкий мирный договор признает завоевания Республики в Морее, но обязывает ее покинуть Лепанто и часть остававшихся под ее властью Киклад, но ни героическая защита Кандии, ни завоевание Мореи не возвращают Венецию на арену большой европейской политики.

Во внутренней политике у Венеции также хватает сложностей, о чем свидетельствует ряд событий: несколько процессов против политических деятелей, обвиненных — ложно или небезосновательно — в сговоре с заграницей; постоянная угроза общественной безопасности из-за действий головорезов, к услугам которых то и дело прибегают нобили, и отсутствие твердости в действиях полицейского карательного аппарата; борьба, которую ведет патриций Реньер Дзено против клана Корнеров и его главы, дожа Джованни Корнера (избран в 1625 г.), обвиненного в нарушении присяги дожа. Словом, были веские причины говорить об общественном кризисе и забвении гражданских добродетелей, хотя последние и пробуждались, когда Республика переживала на международной арене трудные минуты.

Экономический спад в XVII в

В 1630–31 гг. в Венеции свирепствовала чума, унесшая более 46 тыс. жизней. Эта трагедия способствовала углублению кризиса в экономике Республики, и без того ослабленной борьбой с пиратами и бесконечными военными расходами, обрушившимися на нее в XVII в.

В конце XV в. город, по словам Никколо Контарини, был «процветающим, как никогда прежде». В 1597 г. венецианский консул в Алеппо был совершенно уверен, что его соотечественники-коммерсанты во всем превосходили своих конкурентов. В 1610 г. Сенат отверг внесенное предложение о предоставлении свободы торговли иностранным купцам. Но уже в июле месяце того же года «мудрецы по торговым делам» сообщили, что западная торговля и судоходство полностью зачахли, а «левантийская торговля ведется слабо», и, таким образом, «одна из основных отраслей торговли города практически сошла на нет».

Конкурентная борьба за господство в водах Средиземного моря обостряется. С одной стороны, Франция, Голландия и Англия получают на турецких таможнях значительные фискальные привилегии, с другой — в XVII в. зарождаются и развиваются крупные европейские торговые компании: английская Ост-Индская и голландская Вест-Индская компании (1617).

Венецианское производство предметов роскоши также испытывает давление со стороны иностранных конкурентов, в частности французских мануфактур, хотя вплоть до XVIII в. собственно венецианская продукция пользуется в Европе большим спросом. На основании списка книг, запрещенных католической церковью (так называемого Индекса), от 1595 г. 80 венецианских типографий из 125 должны были закрыться. Отсюда можно сделать вывод о том, какое значительное развитие получило в Республике издательское дело.

Продолжая пренебрегать инвестированием морской торговли, капиталисты все отчетливее разворачиваются в сторону Террафермы. Примером может служить Анджело Брагадин, занимавший в начале XVII в. должность подеста в Брешии. Неустанно скупая поля

и виноградники, он свел свои торговые операции к минимуму, приобретая всего лишь по нескольку тюков хлопка и шелка. Стоимость его имущества распределялась следующим образом: земли оценивались в 30 тыс. дукатов, городская недвижимость — 20 тыс., и только 6 тыс. было вложено в торговлю с Левантом.

С 1550 г. в Полезине и окрестностях Вероны начинают выращивать кукурузу — новую, высокоурожайную культуру. С начала XVIII в. она становится основным пищевым продуктом крестьян Венето, и плантации ее вытесняют луга и леса.

Государство также проявляет инициативу. В 1662 г. оно отменяет ввозные пошлины на товары. Однако в 1684 г. отказывается от этой меры как неэффективной.

Итак, под давлением возросшей конкуренции атлантических портов, портов Голландии и средиземноморских — Франции и Италии — Венеция погружается в апатию. Значение ее порта постепенно низводится до уровня локального или регионального, а его международная роль постепенно забывается. Он отходит на второй план. «Ветви и крона еще приносят плоды, — отмечает в 1667 г. один венецианский купец, — но корни гниют уже с начала века».

Подводя итог, можно сказать, что «Республика… сохраняет свой притягательный, хотя и односторонний образ города-государства; к тому же по причине запутанных и медлительных бюрократических процедур она не способна быстро решать сложные проблемы, энергично и эффективно проводить реформы» (Бенцони).

Венецианская культура в XVII в

Воспетая, как мы уже видели, Боккалини и другими изгнанниками, кому она оказала гостеприимство, Венеция в начале века еще оставалась местом встреч тогдашних интеллектуалов со всего мира, среди которых были и Галилей, и Джордано Бруно. Однако отметим факт весьма примечательный: Джордано Бруно, приглашенный в Венецию в 1591 г. неким патрицием, был выдан инквизиции этим же патрицием. В результате судебного процесса Бруно был приговорен к сожжению на костре, и в 1600 г. в Риме приговор был приведен в исполнение.

Академия Инкогнито (1630–61) (XVII век — «век академий») берет под свой патронаж интеллектуальную жизнь на местах; ее члены упражняются во всех модных жанрах словесности: лирической поэзии, новелле, благочестивых сочинениях, биографиях и т. д.

Традиционный для Венеции жанр историографии продолжают Андреа Морозини (1558–1618) и Никколо Контарини (1553–1631). Однако их сочинения остаются неопубликованными: инквизиция противится публикации трудов первого, Сенат запрещает издавать работы второго, ибо в них достаточно резко говорится о раздорах в правящих кругах города.

Важнейшая литературная продукция Венеции в XVII в. — романы и театральные пьесы. Романы сочиняет добрый десяток авторов, среди которых далеко не все уроженцы Венеции; зато все они издают там свои произведения. Сочинения, авторы которых умело использовали мотивы непредсказуемого и необычного или трактовали темы героические и галантные, выходят дешевыми изданиями, быстро раскупаются самой широкой публикой и распространяются не только в Италии, но и по всей Европе.

В конце века в Венеции насчитывается не менее семнадцати общедоступных театров. За шестьдесят лет в них было сыграно более 400 пьес: комедий дель-арте, трагедий и мелодрам. С появлением блестящих актеров и развитием искусства оформления спектаклей зрительское пристрастие к театру становится все более очевидным.

Венецианскую архитектуру XVII в. определяет творчество Лонгены (1598–1682). В полной мере талант его представлен в базилике Делла Салуте, главном памятнике венецианского барокко. Ее широкая лестница открывается при входе в Большой канал; наверху этой лестницы торжественно высится грандиозное сооружение. Лонгена создает также величественные церкви и дворцы, среди которых выделяется палаццо Пезаро, жемчужина венецианского государственного барокко.

Можно сказать, что среди художников тогда не было звезд первой величины; из заметных фигур следует отметить Пальму Младшего (1544–1628). Необычайно работоспособный, он выполнял множество работ для церкви, для различных братств, получал крупные заказы от государства, среди которых выделяется картина «Коронованная Венеция», украшающая зал Большого совета.

В XVII в. Венеция продолжает укреплять свою славу музыкального города. В 1613 г. туда переезжает Клаудио Монтеверди (1576–1643). Капельмейстер на службе у Светлейшей, он пишет много церковной музыки и немало времени уделяет созданию лирических композиций и мадригалов. Особенно его влияние ощущается в оперной музыке, в которую он щедро вносит лирические мотивы и где искусно использует музыкальные возможности для передачи страстей. Его опера «Коронация Поппеи» обошла всю Европу.

XVIII век: самоустранение из мировой политики и экономики

Бесславное падение Республики в 1797 г. в значительной степени омрачает образ Венеции, сложившийся на протяжении XVIII столетия.

Речь идет прежде всего о том, что в области внешней политики век этот начался для Светлейшей (которая теперь могла считаться таковой только внешне) весьма печально.

После смерти Карла II Габсбурга, не оставившего прямых наследников, начинается война за Испанское наследство; Франция Людовика XIV выступает против Австрии, союзниками которой являются Англия и Голландия; военные действия продолжаются с 1701 по 1714 г. Несмотря на давление со стороны воюющих стран, Венеция сохраняет нейтралитет, однако не может помешать армиям противников нарушать ее рубежи на суше и на море. Во время подписания Утрехтского и Раштаттского мирных договоров (нисколько не затрагивавших территориальной целостности венецианских владений) посол Республики в своих отчетах называет проводимую им линию политикой вооруженного нейтралитета, которой Светлейшая будет придерживаться на протяжении всего XVIII в.; но тот же самый посол с поразительной прозорливостью заметил, что великие державы не намерены считаться с его отечеством.

На Востоке враждебное отношение турок не позволяет Венеции соблюдать нейтралитет. 9 декабря 1714 г. турки объявляют Республике войну. С июня по октябрь следующего года, т. е. примерно за сто дней, в руках агрессора оказались Эгина, Коринф, Навплион, Корон, Модон и Мальвасия, а также Суда и Спиналунга на Крите. Однако в начале 1716 г. силы сопротивления на Корфу, возглавляемые маршалом Шуленбургом и Андреа Пизани, остановили турецкое наступление. Подписанный в 1718 г. Пожаревацкий мир подтвердил утрату венецианцами Мореи, сохранив за ними ряд позиций в Далмации, приобретенных во время войны. Отныне границы венецианской империи были окончательно определены; многовековая вражда венецианцев и турок прекратилась; теперь Венеция будет жить в мире — до нашествия Наполеона.

Несколько экспедиций, отправленных против берберских корсаров и пиратов всех мастей в 1765–86 гг., разумеется, в счет не идут. Некоторые экспедиции завершились успешно, однако успехи эти эфемерны: основной смысл их состоит в том, чтобы заставить общественное мнение поверить, будто флот и государство все еще сохраняют свое былое могущество.

Открыто провозглашенная политика нейтралитета ставит Республику в положение изоляции и обходится ей недешево; но она также отдает себе отчет в том, что уже уяснили себе ее руководители и посланники, а именно: отныне в Италии доминирующее положение занимают иностранные державы (в том числе и Австрия), и единственный путь, которым можно двигаться дальше, — это путь невмешательства. Республика осознает, что оказалась низведенной до уровня регионального государства.

Что касается внутренней политики, то XVIII век для Венеции стал аналогичным параличом. Разумеется, в предложениях реформ, как институционных, так и

административных, недостатка не было. В 1760-х гг. патриций Анджело Квирини, увлеченный трудами философов, упрекает правительство за ту власть, которой оно наделило государственных инквизиторов (он полагает ее чрезмерной). 12 августа 1716 г. его арестовывают и отправляют как ссыльного в Верону. Во время одной из дискуссий, разгоревшихся в Большом совете, ряд мелких и средних нобилей потребовали усиления полномочий Совета сорока и адвоката Коммуны *(Avogador di Comun)* , однако возобладало мнение консерваторов. Надо отметить, что противные стороны обе ссылались на необходимость возврата к прежним традициям…

В 1775–82 гг. споры по-прежнему не утихают; патриции Джорджо Пизани и Карло Контарини, выражая сожаление по поводу дефицита общественной казны и обнищания масс, представляют программу, предусматривающую восстановление былой власти Большого совета, сокращение полномочий Совета десяти и помощь со стороны государства обедневшим патрициям. В 1779 г. они, выступая перед Большим советом, излагают, с какими трудностями сталкивается венецианская экономика, говорят о лихоимстве и неэффективности администрации. Они добиваются назначения «корректоров», но те ограничиваются принятием весьма скромных мер экономического и регламентирующего характера. 31 мая 1780 г. Пизани и Контарини, обвиненные в злоумышлении против республиканских институтов. были высланы из города: один в Верону, другой в Каттаро.

Застой наблюдается и в административной сфере. И хотя там также работают советники и эксперты, не лишенные ни проницательности, ни новаторских идей, однако большинство их предложений после длительного изучения, а иногда даже и одобрения, не претворяются в жизнь. Должностные лица на местах сопротивляются любым нововведениям, равно как и нерешительные и медлительные представители правящего класса, закосневшие в своей инертности. Иными словами, «старинное Венецианское государство реформированию не поддавалось» (Скарабелло), ибо невозможно было сохранять старые институты и одновременно проводить реформы, неминуемо ставящие под угрозу само существование этих институтов. Кроме того, отсутствовала альтернативная политическая сила, поскольку не было достаточно развитого класса буржуазии, однородного и подготовленного идеологически и политически.

В экономической сфере положение тоже было не из лучших. В конце века общий объем товарооборота оставался еще достаточно высоким (20 млн. дукатов), однако, к примеру, французский товарооборот за период с 1770 по 1790 г. увеличился втрое. Конкуренцию венецианскому порту составляли Ливорно, Генуя, Триест и Фиуме (Риека), и он постепенно становится провинциальным перевалочным пунктом. Разумеется, кое-какие меры по поддержанию былого величия принимались: создавались новые магистратуры, строились большие корабли, хорошо вооруженные, с многочисленным экипажем, выслушивались (а затем отвергались) предложения, направленные на реформирование налоговой и таможенной систем, и т. д. Так, проект создания Торговой палаты по образцу французской был отклонен по причине отсутствия поддержки его со стороны компаний и чиновников.

Венецианская промышленность начинает сдавать свои позиции под жестким давлением конкурентов — государств с большим населением, более богатых сырьем и с менее затратной производственной базой. Снижается производство шерсти; производство шелка и полотна несколько увеличивается, но рост этот незначителен; стекольное производство пребывает в застое; сокращается производство бумаги, типографии и издательские дома снижают не только выпуск продукции, но и теряют в ее качестве (за исключением предприятия Ремондини де Бассано). И только «туризм» — мы к этому еще вернемся — продолжает успешно развиваться.

Как это ни парадоксально, но сельское хозяйство процветало. Высокий уровень частных вложений в него, отмечавшийся уже в XVII в., сохранился и в XVIII в. Согласно кадастру 1740 г., 49 % земель вокруг Падуи и 36 % земель вокруг Тревизо принадлежали нобилям, особенно венецианским патрициям. Именно здесь, в загородных владениях, просвещенные умы размышляли еще о возможности реформ: о применении современных

технологий, о развитии пастбищного скотоводства, о реформе налогообложения. Однако столкновение различных интересов приводит к сохранению статус-кво.

В результате в 1790 г. население всей территории, принадлежавшей Республике, составляло 2860 тыс. жителей, из которых в самой Венеции проживало всего 140 тыс. По меркам тогдашних европейских столиц это крайне мало.

Угасание культуры

Средний по размеру город, Венеция в XVIII столетии привлекает к себе множество туристов, жаждущих приобщиться к ее культурным ценностям. Многочисленные кафе (в частности, знаменитое кафе «Флориан»), концерты, театры, игорные дома и дома свиданий, празднества (самый продолжительный из них — карнавал) делают Венецию европейской столицей развлечений.

Там даже царит свобода слова (но, разумеется, не в сфере политики). Во всяком случае, имя тамошним писателям поистине легион: веронец Шипионе Маффеи (1675–1755), Апостоло Дзено (1688–1764), Ипполито Пиндемонти (1753–86), Карло Гоцци (1730–1808), Карло Гольдони (1707–93), падуанец Мелькиоре Чезаротти (1730–1808).

Однако Венеция не в состоянии была удержать у себя наиболее пытливые и беспокойные умы того времени, среди которых следует назвать Альгаротти, Казанову (1725–98), писавшего, впрочем, не на итальянском, а на французском (он считал этот язык «более легким»), и даже самого Гольдони.

Действительно, половину жизни Гольдони проводит вдали от лагуны, но не утрачивает ни духовных связей с ней, ни менталитета, присущего исключительно венецианцам. Автор «Мемуаров» и множества театральных пьес на трех языках (французском, итальянском и венецианском диалекте), он порывает с импровизационной комедией дель-арте и возвращается к написанным (литературным) пьесам. В этих пьесах, которые до сих пор ставят в театрах всего мира, он выразил этические чаяния буржуазии и изобразил ее среду (особенно показательным в этом отношении стал персонаж Панталоне, превратившийся из скупого и капризного старика в здравомыслящего и рассудительного купца), сумев при этом проявить свои симпатии к «малым мира сего» и неприязнь к праздному и никчемному дворянству.

Наконец, в Венеции, как и повсюду в Европе XVIII столетия, наблюдается бурное развитие газетного дела; повсюду возникают периодические издания, главным образом познавательные и литературные, ставшие настоящей трибуной для провозглашения всевозможных новых идей. «Джорнале де леттерати д'Италиа» (1710–40), издание, основанное Апостоло Дзено, претендует на статус главного итальянского литературного журнала. Издание «Джорнале д'Италиа» (1764–76) посвящено научным и техническим вопросам. «Газетта венета» (1760) и «Оссерваторе венето» (1761) Гаспаро Гоцци обсуждают проблемы повседневной жизни.

Творчество уже упоминавшегося выше Дзено, а также Лоренцо Да Понте (1749–1838) как бы перекидывает мостик между музыкой и литературой. В качестве либреттиста Дзено сотрудничает со Скарлатти, Вивальди и Генделем. Да Понте сочиняет либретто для многих современных ему композиторов, в частности для Моцарта.

В XVIII в. Венеция — одна из музыкальных столиц Европы, там творят Вивальди (1678–1741), Альбинони (1671–1750), Бенедетто Марчелло (1686–1739), Галуппи (1706–85) и многие другие композиторы.

В области изобразительного искусства Венеция XVIII в. также не плетется в хвосте. Одной из первых величин Сеттеченто является портретист Розальба Карьера (1675–1757), чьи пастели буквально наводняют итальянские и европейские дворы. К лучшим работам Джованни Баттисты Пьяццетты (1683–1754) относятся сцены из народной жизни и сельские сюжеты; он также сотрудничает с венецианским издателем, иллюстрируя произведения Боссюэ и Тассо. Джованни Баттиста Тьеполо (1696–1770) создает динамичные, свободные по

живописи жанровые картины, в том числе и на религиозные сюжеты; праздничные, наполненные светом и воздухом росписи вилл знатных венецианцев; а также величественные полотна во Дворце дожей, воскрешающие миф о былом величии Венеции. Наверное, самой судьбой ему предназначено прославлять клонящуюся к упадку цивилизацию, обожествляя город и самые знатные его семейства. Сын Джованни Баттисты, Джованни Доменико, после смерти отца создает мощные по своей живописной силе полотна, реалистические и исполненные социального подтекста, направленного на обличение пороков аристократии.

Своим творчеством Антонио Каналь (Каналетто) (1697–1768) утверждает другой жанр в живописи — его «ведуты» (виды, пейзажи-панорамы) имеют огромный успех у коллекционеров всего мира, и прежде всего у англичан. Если Каналетто художественно воспроизвел топографию города, то картины Пьетро Лонги (1702–85) и Франческо Гварди (1712–93) воссоздали быт и нравы венецианского общества в его повседневной жизни, его *venezianita.*

Падение Республики

В своих донесениях правительству венецианские посланники описывали события французской революции; некоторые прозорливо предчувствовали их приближение уже с конца 1787 г. Однако новые парвеню, пришедшие к власти в Венеции, поначалу не выказывали по этому поводу особого беспокойства.

В 1791 г. Республика принимает у себя графа Прованского, брата Людовика XVI (и будущего Людовика XVIII). Когда начинается война между Францией и Австрией, Светлейшая, несмотря на давление со стороны Вены, отказывается поддерживать контрреволюцию. В отличие от многих государств, она не выражает официального возмущения по поводу казни короля и вскоре дает согласие на то, чтобы символика Французской республики красовалась на стенах посольства Франции.

В 1794 г., когда нависает угроза иностранного вторжения на ее территорию, Венеция заявляет о своем нейтралитете и не принимает серьезных мер военного характера. Вскоре же она с облегчением узнает об окончании якобинского террора.

Однако в 1796 г. Директория упрекает Светлейшую в том, что та по-прежнему продолжает укрывать у себя графа Прованского, терпит антифранцузские выпады прессы и эмигрантов и предоставляет австрийским войскам свободный проход по своим владениям.

Вскоре Венеции приходится идти на последние уступки. Граф Прованский вынужден покинуть Верону. В апреле армия под командованием Бонапарта одерживает победу над Австрией и Пьемонтом и занимает Милан и Ломбардию. В конце мая она вступает в Бергамо, затем в Тренто и Верону (в ноябре).

18 апреля 1797 г. в Леобене Австрия и Франция приходят к соглашению относительно раздела венецианских земель. Австрия получает значительную часть Террафермы, а Венеции в качестве компенсации предлагают довольствоваться Романьей, Феррарой и Болоньей.

Пока в Бергамо, Брешии и Сало вспыхивают «демократические» беспорядки, крестьяне Венето поднимаются против французских оккупантов. В апреле восстание охватывает Верону: «Веронская Пасха» дает Бонапарту предлог для интервенции. 26 апреля войска его занимают Виченцу, а 28-го — Падую. В обоих городах тотчас создаются муниципалитеты.

1 мая объявлена война против Светлейшей. Правящий класс Венеции всячески пытается, не подвергая себя риску, сбросить бремя власти. 12 мая дож Лодовико Манин и Большой совет подают в отставку. Управление городом переходит к муниципалитету, набранному в основном из представителей буржуазии.

Но в конце октября в Венецию приходит известие о мирном договоре, заключенном Францией и Австрией в Кампоформио, согласно которому венецианские острова на Леванте переходят к французам, а австрийцы забирают себе Истрию, Далмацию, саму Венецию и прилегающие к ней территории вплоть до берегов По и Адидже. 18 января 1798 г. в Венецию вступают первые австрийские отряды. Начинается более чем полувековое господство

иноземцев.

Глава 5
От падения Республики до наших дней

Большинство историков Венеции заканчивают свои работы падением Республики. И не без основания, ибо отныне Венеция прекращает свое существование как самостоятельное государство (не считая короткого периода революции 1848 г.) и находится под иностранным владычеством, а затем входит в состав Италии. Тем не менее с 1797 г. и до наших дней история города, какой бы временами мрачной и проблематичной она ни была, все же продолжается. «В Кампоформио Венеции была нанесена поистине незаживающая рана, отчего история ее вплоть до наших дней являет собой непрерывный процесс упадка во всех сферах жизнедеятельности города» (Аллегри). Но подобный приговор — далее мы в этом убедимся — на самом деле излишне суров.

Венеция под властью иноземцев (1797–1866)

Как мы уже говорили, 15 мая 1797 г. французские войска вошли в Венецию: за более чем тысячелетнюю историю города такое случилось впервые! Восемнадцатого января 1798 г. настал черед австрийских войск. Девятнадцатого января 1806 г. французы вновь захватывают город. С 1 апреля 1814 г. и вплоть до 1866 г. в Венеции властвуют австрийцы (не считая «ста дней» в 1848 г.). Таким образом, почти семьдесят лет истории Венеции прошли под иностранным игом.

Если первое пребывание французов на берегах лагуны (менее шести месяцев) было отмечено грабежами и насилием со стороны оккупантов, то первый период австрийского владычества характеризовался двумя основными чертами: сотрудничеством части венецианской аристократии с Австрией и быстрым упадком городского хозяйства.

Патриции, собравшиеся 22 февраля 1798 г. в зале Большого совета, назначают двенадцать представителей (среди которых и отрешенный от должности дож) и поручают им принести клятву верности и повиновения австрийскому императору. Разумеется, они делают это без особых колебаний, ибо видят в присоединении к империи наименьшее зло. Главы двух самых богатых венецианских семейств, Джованелли и Эриццо, за солидные денежные взносы удостаиваются княжеских титулов империи; ряд аристократов получают графские титулы, а большая часть бывших патрициев сохраняет свои дворянские титулы. Однако административные, должности, занимаемые новой имперской аристократией, являются исключительно второстепенными: все важные решения принимаются в Вене и исполняются чиновниками-австрийцами.

Вернувшись в Венецию в ноябре 1798 г., Да Понте пишет об унынии, охватившем город: «Читатель, вообрази себе мое удивление и мою печаль, когда на огромной площади (Сан-Марко), где в прежние времена царили лишь радость и веселье и народу было не протолкнуться, узрел я печаль, безмолвие, безлюдье и уныние». В 1802 г. один немецкий путешественник, посетивший Венецию, дает картину еще более мрачную: «Дворец дожей, похоже, опустел вовсе, а на Риальто для охраны расставлены пушки. В конце площади Сан-Марко, на берегу лагуны, австрийцы поставили шесть орудий, а напротив Сан-Джорджо французы еще раньше установили целую батарею, которую империя не только сохранила, но и усилила… Самое печальное зрелище в Венеции — это нищета и нищенство. Нельзя сделать и десяти шагов, чтобы не услышать скорбной мольбы о сострадании, вид же несчастных лишь усиливает горечь впечатлений… Но наибольшее потрясение испытал я при виде женщин из благородных семейств, кои, закутавшись в плотные, неподвластные взорам вуали, стоят на церковных папертях, преклонив колена и молитвенно сложив на груди руки, а перед ними поставлены маленькие деревянные мисочки, куда прохожие бросают мелкие

монеты».

Упадок Венеции объясняется целым рядом причин: многие патриции разорились (по причине сокращения доходов от недвижимости, краха государственного банка и непомерного налогообложения); большая часть аристократической верхушки уехала на материк; администраторы и чиновники бывшей Республики лишились работы; туризм пришел в упадок, равно как и деятельность Арсенала, промышленность и торговля. По словам А. Дзорци, венецианцы от вечного карнавала перешли к столь же вечному посту.

В соответствии с Пресбургским договором 1 января 1806 г. в Венецию вошла армия Наполеона. Провинции Венеции были присоединены к Итальянскому королевству, вице-королем которого стал Евгений Богарнэ, сделавший своей столицей Милан. Таким образом, Венеция лишилась всех своих бывших территорий, разделенных теперь на департаменты, а ряд ее городов и областей Наполеон подарил своим соратникам: Тревизо стало владением Мортье, Истрия — Бессьера, Фельтре — Кларка, Виченца — Коленкура.

В отличие от миланской элиты, привыкшей к иностранному господству, венецианские аристократы и буржуа не склонны были к сотрудничеству с оккупантами.

Прибыв на берега лагуны в ноябре 1807 г., Наполеон I принимает ряд мер, направленных на оживление городской жизни: начинает портовые работы, отдает приказ о реставрации дамб *(murazzi)* Палестрины, покровительствует стекольному производству, оказывает финансовую помощь Арсеналу, дает острову Сан-Джорджо статус порто-франко. Однако Берлинский декрет о континентальной блокаде, установивший торговый барьер Англии, окончательно подрывает венецианскую торговлю и всюду, до самой Адриатики, провоцирует англичан нападать на венецианские суда.

В 1811 г. генерал Лористон в своем докладе императору рисует весьма печальную картину сложившегося положения: всеобщее запустение, разорение знатных семейств, бросающих свои дворцы и дома, которые идут с молотка. При этом он еще умалчивает о грабежах и разбазаривании тысяч произведений искусства, принадлежавших разрушенным церквям, разогнанным конгрегациям и скуолам: масштаб бедствия был столь велик, что создание музея Академии и передача фондов библиотеке Сан-Марко не могли компенсировать ущерб.

В конце 1813 г. Венецию осаждают австрийцы. В это время в городе находятся около 40 тыс. голодных и обнищавших жителей. Перемирие, подписанное 16 апреля 1814 г., передает разграбленный город под власть Австрии.

3 мая 1815 г. представители венецианских провинций, собравшись на площади Сан-Марко, приносят присягу на верность императору Францу I, который 31 октября торжественно вступил в Венецию. Провинции объединяются в Ломбардо-Венецианское королевство под властью вице-короля: столицей королевства становится Милан, а в Венеции остается кассационный суд и штаб командующего военно-морским флотом.

В 1819 г. в своем отчете императору вице-король по-прежнему говорит о руинах Венеции, брошенных дворцах и многочисленных нищих и безработных. Отток жителей из города продолжается, а Триест составляет жесткую конкуренцию венецианскому порту. С 1813 по 1818 г. население города сократилось на 12 тыс., а общее число жителей составило менее 100 тыс. человек. В 1825 г. Торговая палата отмечает, что порт фактически пребывает в запустении. В 1827 г. наблюдается значительное сокращение текстильной продукции: шерсти, шелка и хлопковых тканей.

Оживление экономики наступает довольно поздно. Только в 1830 г. Венеция и ее порт получают статус зоны свободной торговли. В 1837 г. создается общество для постройки железной дороги между Миланом и Венецией; в 1841 г. заложен первый камень железнодорожного моста, который свяжет город с материком; в январе 1846 г. в Венецию прибыл первый поезд. Создана новая коммерческая компания, ставящая своей задачей развитие морской торговли, а также речного судоходства между Миланом и Венецией. Принята программа строительства новых судов. Однако при всей энергичности венецианцев Милан — благодаря гибкости и динамичности своей элиты — в целом значительно

опережает Венецию.

Вторая республика

В 1814–40 гг. отношения между венецианцами и австрийцами складываются в целом неплохо, доказательством чему служит тот факт, что движение карбонариев, активизировавшееся в 1820–21 гг. в Полезине, Вероне и Виченце, не затронуло Венецию.

К 1840 г. созревает зародившийся в кадетской морской школе антиавстрийский заговор; во главе заговорщиков стоят сыновья контр-адмирала Аттилио и Эмилио Бандьера. В 1844 г. после провала попытки восстания обоих казнят неподалеку от Козенцы.

Легальное сопротивление оккупантам возглавил адвокат Даниэле Манин. В свою программу Манин включает требование уважения прав населения Ломбардии и Венето на самоуправление, сохранения его институтов и традиций. Писатель Никколо Томмазео оказывает Манину активное содействие. Вернувшись из изгнания, он в декабре 1847 г. выступает в Венеции с речью, в которой требует отмены цензуры и призывает к объединению Италии. Речь его заканчивается следующими словами: «И пусть имя Италии… звучит в душах подобно голосам наших милых и дорогих возлюбленных!»

19 января 1848 г. Манина и Томмазео арестовывают. В Венеции проходят демонстрации протеста против владычества Австрии; в Падуе вспыхивают студенческие волнения. Когда из Парижа приходит известие о начавшейся там революции, в Ломбардо-Венецианском королевстве объявляют о вступлении в силу закона военного времени.

17 марта собравшаяся на площади Сан-Марко толпа требует освобождения узников. Манин призывает к восстанию. 22-го вспыхивает мятеж в Арсенале, и австрийцы покидают город. Манин формирует правительство и становится его главой. Однако города Венето, следуя примеру Милана, голосуют за присоединение к Пьемонту, где правит Карл Альберт. Опасаясь австрийской интервенции, провинциальная ассамблея в июле принимает аналогичное решение. В августе комиссары из Пьемонта прибывают в Венецию, где их встречают без особого энтузиазма. Причиной тому разгром армии Карла Альберта, возвращение австрийцев в Милан и подписание мира, согласно которому Венеция вновь отходит к Австрии.

Манин опять берет в свои руки бразды правления, однако и с суши, и с моря город уже блокирован австрийскими войсками, а Европа и Италия, несмотря на отчаянные призывы о помощи, бросают венецианцев на произвол судьбы. Плохо вооруженные, плохо подготовленные, уступающие противнику в численности, венецианские солдаты при поддержке волонтеров, прибывших из других областей Италии, мужественно обороняются. Население не отступает ни перед голодом, ни перед бомбардировками, ни перед эпидемией холеры. Венецианцы капитулируют только 22 августа. Манин и Томмазео и с ними еще тридцать восемь других лидеров отправлены в ссылку; многие их сограждане готовы разделить их участь. Вторая и последняя Венецианская республика в гордом одиночестве сражалась до последнего.

26 августа эрцгерцог Сигизмунд от имени императора вновь занимает город. Несмотря на объявление закона военного времени и попытки оккупантов установить контакт с населением, горожане держатся настороженно и продолжают втайне устраивать заговоры, часть которых была раскрыта, и в 1851–52 гг. состоялись казни заговорщиков. 11 июля 1859 г. перемирие, подписанное в Виллафранке между Наполеоном III и Австрией, нисколько не изменило положения Венеции. Только очередная партия венецианцев покинула берега лагуны, отправившись в ссылку.

Культурная жизнь в первой половине XIX столетия

Если сравнивать культурную жизнь Венеции 1800–50 гг. с Миланом, Турином, Флоренцией или Неаполем, она вполне может показаться серой и ущербной.

Город превращается в «столицу старой книги»: Венеция продолжает издавать книги и газеты, однако все они обращены в прошлое и проникнуты духом провинциализма. Какими бы талантами ни обладал переводчик «Одиссеи» и поэт Пиндемонте, он, как и другие писатели его поколения, уроженцы Венеции и Венето, проявляет «неспособность или нежелание оказывать воздействие на новый политический и культурный контекст» (Аллегри). Даже Томмазео (1802–74) при всем своем мужестве, выказанном им во время событий 1848 г., и опыте, приобретенном в Милане, Флоренции и Пизе, смог предложить венецианским революционерам только возврат к мифическому и призрачному космополитизму.

Примечательны пути, избранные Уго Фосколо (1778–1827) и Ипполито Ньево (1831–61): первый покидает Венецию ради Милана, второй оставляет Венецию ради Италии.

Прибыв в 1792 г. в Венецию с острова Закинф, почти — по его собственным словам — не зная итальянского, Фосколо начинает посещать литературные салоны и кружки. Вскоре он проникается революционными идеалами, пишет оду «Новым республиканцам» и сонет, где осуждает нейтралитет Венеции. В 1798 г. он представляет трагедию «Фиест», снискавшую значительный успех. Однако заложенный в ней политический заряд вынудил его бежать в Болонью. Вернувшись в Венецию вместе с французами (отчего сограждане прозвали его «поэтом-якобинцем») после заключения Кампоформийского мира, Фосколо вскоре окончательно покидает город. В Брешии он публикует свою поэму «Гробницы» *(Sepolcri),* в 1809 г. выступает с речью в университете Павии и там же затем читает целый курс об этической и политической миссии, которую предстоит взять на себя итальянским писателям.

В романе «Исповедь итальянца» (опубликованном в 1867 г., после смерти автора) Ньево рисует мрачную картину Венеции: «О Венеция, о древняя матерь свободы и мудрости… Когда я вновь увидел тебя, облаченную в погребальный саван, увидел тебя, прекрасную и величественную, в объятиях смерти, когда почувствовал, как леденеет твое сердце, и услышал, как на губах твоих угасает последний вздох, буря боли, отчаяния и угрызений совести взметнулась в пылкой душе моей… Я ощутил ярость изгнанника, скорбь сироты, муки отцеубийцы!» Тернистый путь героя романа начинается в период упадка Венеции, а завершается в борьбе за единую Италию. «Я родился венецианцем, но умру итальянцем» — такова, по собственному признанию Ньево, судьба его самого и его героя, символизирующего эволюцию, которую претерпела венецианская интеллигенция на протяжении XIX столетия.

Отъезд в 1781 г. в Рим Антонио Кановы является примечательным свидетельством перемещения венецианских людей искусства ближе к центрам художественной активности, соответствовавшим новым эстетическим идеалам. Неоклассицизм, получивший бурное развитие и ставший своего рода международным языком искусства, одновременно стал отрицанием специфики венецианского искусства. Иностранная оккупация также не могла не способствовать стиранию специфических особенностей местной культуры.

Если говорить о вторжении оккупантов в сферу искусства, то следует упомянуть прежде всего градостроительство. С 1797 по 1866 г. город в значительной степени изменил свой облик. Первое важное нововведение коснулось площади Сан-Марко. Французы решили начать с Новых Прокураций и придали им поистине королевское величие. Алессандро Антолини, вызванный из Милана Евгением Богарнэ, руководит постройкой на площади наполеоновского флигеля, ставшего причиной разрушения церкви Сан-Джеминьяно (работы Палладио), и сооружением «Королевских садиков» *(Giardinetti Reali).* Вследствие ошибок и яростной полемики (впрочем, характерных для культурной жизни Венеции не только XIX, но и XX в.) строительство завершается только к 1820 г., и руководит им уже сиенец Лоренцо Санти. Перестройки вокруг собора Сан-Марко продолжаются до 1843 г., когда площадь принимает свой окончательный облик.

К последствиям наполеоновской оккупации наряду с указанными пертурбациями следует также отнести создание садов Кастелло (1810), часть площади которых теперь занимает Бьеннале.

При австрийском правлении в Венеции начинается новый период градостроительной

активности. Строительство уже упомянутых железнодорожного моста и вокзала повлекло за собой разрушение церкви Санта-Лючия (работы Палладио). Для соединения Сан-Видаль с Академией и переправы через Большой канал в 1854 г. открывается (платный) железный мост, выполненный в стиле промышленной архитектуры; к этому же стилю принадлежат и вокзальные постройки. Общественное мнение не приняло оба моста, и в 1934 г. их заменили на другие.

Итальянская Венеция (1866–1945)

В 1866 г., 22 июля, после двух поражений итальянских армий на суше и на море (при Кустоце и острове Лисса) между Австрией и Пруссией было подписано перемирие. Венеция передавалась Франции, которая уступила ее Италии. 19 октября итальянские войска вошли в Венецию. 21 октября жители города в подавляющем большинстве проголосовали за присоединение к Итальянскому королевству. 7 ноября на берегах лагуны восторженно встречали короля Виктора Эммануила II.

Став частью Италии, Венеция не смогла быстро воспользоваться уходом австрийцев для возрождения своей экономики; местная политическая жизнь также долгое время оставалась исключительно консервативной.

Характерным событием того времени было основание в 1874 г. традиционалистской организации «Опера деи конгрессии» *(Opera dei Congressi),* контролируемой католическими иерархами; в связи с этим Венеция начинает рассматриваться как «христианская столица», а Венето — как «земля победившего христианства». На выборах в законодательное собрание 1876 г. во всех избирательных коллегиях Венето торжествуют правые, в то время как Италия голосует за левых. Однако в мае 1891 г. мэром избирается Риккардо Сельватико, новое лицо в местной политике; он и возглавляет левый муниципалитет. С 1895 по 1920 г. городом от имени блока умеренных клерикалов руководит Филиппо Гримани. В апреле 1921 г. был создан первый венецианский «фашо» *(fascio).* В 1921 г. социалистическая партия становится первой партией Венеции, что не может не встревожить местных католических иерархов и патриарха.

Во время австрийского господства экономика Венеции находилась в полном застое; теперь она набирает обороты крайне медленно. В конце XIX в. в городе действуют всего три важных промышленных комплекса: хлопчатобумажный комбинат *(Cotonificio),* основанный в 1882 г., мельницы Штукки, сооруженные по инициативе швейцарцев, и Французская газовая компания.

В 1907 г. образуется Итальянская компания гранд-отелей, в задачу которой входит создание условий для привлечения богатых туристов. Туризм становится важной статьей дохода, особенно после того, как Итальянское государство отказалось от использования старых портов (в число которых вошла и Венеция) и сделало упор на Таранто и Бриндизи, расположенные ближе к Африке. В 1917 г. крупный менеджер граф Вольпи соединил политическую волю и частные интересы для реализации крупномасштабного проекта по созданию порта и одновременно промышленного центра в Маргере, т. е. за пределами исторического центра города. Комплекс предполагалось строить на 550 га земли, затопляемой во время больших морских приливов: с помощью намыва собирались приподнять эту территорию более чем на два метра над уровнем моря. Государство взяло на себя сооружение порта со всей необходимой инфраструктурой и обустройство поселка; впоследствии все перешли к обществу концессионеров, сумевшему привлечь капиталы не только местные, но и из отдаленных регионов; в административный совет комплекса вошли наиболее известные представители финансового и делового мира Италии. Вместе с крупными бизнесменами, среди которых был граф Чини, Вольпи и его группа берут под контроль практически всю региональную экономику: промышленность, энергетические источники, кредитную систему и туризм. Стремясь вывести Венецию из застоя, Вольпи устанавливает деловые отношения с фашистским режимом; став в 1924 г. депутатом, в 1934-

м он уже является министром финансов и президентом *Cofindustria,* т. е. «патроном патронов».

Помимо порта Маргеры, куда не берут рабочих из Венеции (по причине их «излишней политизированности»), в «концерн Вольпи» в 1929 г. входят 60 предприятий, на которых занято 5500 человек; предприятия различного профиля: химические, металлургические, кораблестроительные, по производству электроэнергии, продуктов питания, транспортные и общественного обслуживания. В 1935 г. округ Маргера насчитывает 52 предприятия, на которых занято 6442 человека; в 1939 г. предприятий уже 63 и, соответственно, число занятых на них доходит до 18 872 человек.

В 1866 г. Венеция сталкивается с огромными проблемами, связанными с урбанизацией и оздоровлением города, причем не столько «благородных» кварталов, сколько жилищ простонародья. В 1871 г. появляются новые дороги и среди них трасса, соединившая площадь Сан-Марко с вокзалом. В 1880 г. торжественно открывается морской вокзал. В 1866 г. мэр города Данте ди Серего Алигьери приступает к осуществлению плана по очищению городской атмосферы: он хочет «проветрить» город за счет расширения основных каналов и разрушения домов, признанных вредными для проживания (в 1884–85 гг. в городе разразилась эпидемия холеры). Принятые меры вызывают протест со стороны «пассеистов», усматривающих в них посягательство на «культ красоты». В 1893 г. учреждается «комиссия по строительству здоровых и недорогих домов для народа»; ее деятельность, впрочем, приносит весьма скудные плоды. В 1891 г. принимается первый план, регулирующий развитие города. Обследование, проведенное в 1910 г., показало, что более 46 % квартир вредны для здоровья; и действительно, через год вновь вспыхнула эпидемия холеры. В 1917 г. принимается правительственное постановление о присоединении Маргеры к Венеции; затем наступает черед Пеллестрины, Местре, Мурано, Бурано и т. д. Создание «большой Венеции» имело целью воспрепятствовать превращению Местре в городской центр и оттеснению исторического центра города на второй план. За два года (1931–33) параллельно с железнодорожным мостом строится мост, предназначенный для движения автомобилей: Венеция перестает быть островом и отныне доступна также для автомобилистов.

Среди социальных потрясений следует выделить две забастовки гондольеров: первая (1881) была организована в знак протеста против развития навигации на каналах (особенно на Большом канале, где с недавнего времени стали курсировать небольшие пароходики); вторая забастовка (1904) проходила в рамках охватившего страну всеобщего протеста рабочих. Но так как Венеция по-прежнему оставалась городом скорее торгово-ремесленным, нежели промышленным (по крайней мере ее исторический центр), а связи между патронами и клиентелой были еще достаточно сильны, то даже при безработице социальные конфликты в городе возникали крайне редко.

К крупным культурным событиям этого времени следует отнести учреждение в 1893 г. мэром Сельватико международной художественной выставки, получившей название Бьеннале; целью выставки было вывести Венецию из культурного застоя и возвратить ее в международное культурное пространство. В 1930 г. Бьеннале возглавляет Вольпи, и выставка, порывая связи с Коммуной, претендует на звание островка свободы в центре фашистской Италии, своего рода «порто-франко искусства». В том же году учреждается фестиваль современной музыки; в 1932 г. — кинофестиваль; в 1934 г. — театральный фестиваль. Так постепенно Венеция вновь вписывает свое имя в мировую культуру.

Венеция и Венето в составе Италии

12 мая 1945 г. группа борцов Сопротивления забирается на сцену театра Гольдони и принимается бросать в зал, заполненный немецкими офицерами и сторонниками фашистской республики Сало, листовки с призывом к восстанию.

В 1946–51 гг. власть в городе, в отличие от всей остальной Италии, принадлежит

муниципалитетам, в которых преобладают левые (коммунисты, социалисты, члены Партии действия, республиканцы). В 1955 г. из-за неучастия в выборах социалистов мэром становится представитель демохристиан. Через пять лет, как и в большинстве итальянских городов (в Милане, Генуе, Флоренции), к власти приходит и остается более чем на десять лет левоцентристская коалиция. В 1975 г. на местных выборах христианские демократы впервые потерпели поражение от коммунистической партии, сохранив, однако, при этом большинство в региональном совете: так возникает пропасть между столицей и ее областью.

В 1979 г. Б. Визентини предлагает отделить исторический центр от Местре, названного им «городской агломерацией, бесплановой, беспорядочной и бесформенной»; вопрос выносится на референдум. Однако при поддержке христианских демократов и коммунистов большинство населения (70 %) голосует против отделения, выразив таким образом свое несогласие с превращением Венеции в город-музей.

На последних, а, точнее, апрельских политических выборах 1992 г., Венето приобретает совершенно иной облик. Там христианские демократы получают 32 % голосов (немногим меньше, чем в среднем по стране), а в самой Венеции — 19 % (против 26,8 % в 1987 г.). «Лега венета» *(Lega veneta)* — лига защиты местных интересов и противодействия Югу, — совершившая прорыв на выборах 1983 г., теперь собирает 12,8 % голосов.

В экономическом плане наиболее важными мерами, принятыми во второй половине прошлого века, являлись следующие: в 1954 г. был создан «Консорциум» для расширения порта Маргера. В задачу его входила мелиорация 300 га польдеров и обустройство 800 га бывших сельскохозяйственных угодий — это вторая волна индустриализации, своим возникновением обязанная инициативе частной химической компании. В 1963 г. рассматривалось предложение по созданию третьей промышленной зоны, осушению 4 тыс. га маршей и созданию нефтяного порта. Но наводнение 1966 г. (о котором будет сказано ниже) блокировало эту инициативу. В 1968 г. создается новый фарватер глубиной 15 м, настоящий морской «автобан», позволяющий сверхкрупным нефтеналивным танкерам подходить почти к самому причалу порта Маргера.

Сегодня в Венето, в отличие от остальной Италии, наблюдается довольно низкий уровень безработицы (4,5 % активного населения против 11 % по стране в целом). Область, обеспечивающая 12 % национального экспорта, занимает третье место среди промышленно развитых регионов Италии и, таким образом, входит в состав образования, названного экспертами «третьей Италией» и противопоставляемого промышленному северо-западному треугольнику и Югу. Для Венето не характерна социальная напряженность (исключение — Маргера), а так как столицы эта область, в сущности, не имеет, то каждый ее город является региональным центром и обладает собственной специализацией: в Венеции развивается туризм, в Вероне — сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственной продукции, пищевая индустрия, в Тревизо — текстильное производство и т. д.

Между Венецией и Венето по-прежнему существует двойная аномалия. Венеция отличается от своего региона не только «левизной», но и экономическим складом: наряду с индустриальным монстром Маргерой большое место в ней занимает непроизводственный сектор (туризм и бюрократические структуры). В целом можно сказать, что за более чем столетнее пребывание в составе Италии отношения между Венецией и материком полностью изменились: Венеция больше не является ни владычицей, ни даже — дерзнем сказать — Светлейшей, но об этом ниже.

Венеция сегодня и завтра

Прилив — необходимая составная часть жизни лагуны, ибо он очищает ее и, следовательно, необходим он и городу; однако для последнего он зачастую представляет большую опасность. 4 ноября 1966 г. в силу хорошо известных факторов (прогрессирующее оседание почвы, общее влияние луны и солнца, феномен резонанса приливов в глубине Адриатического залива, обильные дожди, падение атмосферного давления, юго-восточные

ветры и т. п.) высокие приливы *(acqua alta)* достигли поистине катастрофической высоты. Уровень воды поднялся на 1,94 м выше среднего, и в течение двадцати четырех часов Венеция находилась под водой, которая едва не поглотила ее.

После наводнения, потрясшего мировую общественность, публикуются многочисленные проекты «по спасению Венеции» — местные, итальянские и международные, в частности проект ЮНЕСКО. В 1973 г. в Риме впервые принимают специальный закон, согласно которому проблема Венеции становится «общеитальянской»; предусматривается также ряд мер по сохранению экологического равновесия лагуны. В 1975 г. в соответствии с новым законом объявляется международный конкурс на всеобъемлющий план спасения Венецианской лагуны. В том же году модернизируют систему водоснабжения города; артезианские колодцы, пробуренные до грунтовых вод и потому способствующие оседанию почвы, закрывают. В 1984 г. образуется «Новый венецианский консорциум», концессионером которого становится государство; в задачу новой организации входит реализация проектов, направленных на сохранение Венеции.

Еще одна опасность угрожает памятникам города — это загрязнение воздуха и моря (размножение водорослей и мельчайших насекомых, плотные тучи которых иногда даже препятствуют движению поездов и приземлению самолетов).

Подводя итоги (в 1971 г.) в анализе нынешней ситуации, Брауншгейн и Делор справедливо отмечают: «Всем понятно, какие беды постоянно терпит Венеция… заболевание камня под воздействием бактерий и коррозии; в опасности фрески, картины, мозаика, мебель; проседание фундаментов грозит разрушением домов… Примерно подсчитано, сколько теряет Венеция ежегодно:

Мрамор 6%

Фрески 5%

Мебель и изделия декоративно-прикладного искусства 5 %

Живопись на холсте 3 %

Живопись на деревянных досках 2 %.

Это не считая, разумеется, ускоренного процесса разрушения самих зданий».

Чтобы остановить этот процесс, необходимо реализовать ряд комплексных и дорогостоящих мер и предотвратить дальнейшее загрязнение атмосферы.

Третья проблема, с которой сталкивается Венеция, — это демография. Исторический центр пустеет; в 1989 г. в нем проживало всего 79 487 человек, а в конце века там предположительно останется только 60 тыс. жителей. Проценты смертности и бесплодия побивают все рекорды. Из-за дороговизны жизни (главным образом жилья), сложностей с транспортом и отсутствия рабочих мест молодежь и люди небогатые переезжают на материк. Уже в 1970 г. две трети венецианцев проживали за пределами исторического центра — на материке или на побережье. И хотя этот феномен присущ всем городским центрам, в Венеции подальше от центра стремится убраться даже непроизводственный сектор: так, Бюро всеобщего страхования (самая крупная итальянская страховая компания) и редакция местной газеты «Гадзеттино» перебрались в Местре.

Даже не являясь уроженцем Венеции (т. е. будучи туристом), нельзя не заметить разрушений, причиной которых является туризм или, точнее, массовый туризм. В 1977 г. город принял четыре с половиной миллиона туристов, а в 1988-м — более шести миллионов. В последнее воскресенье карнавала 1984 г. (карнавал был возобновлен в 1979 г.) в центре города собралось более 140 тыс. человек. Что можно сказать об этих тысячах туристов, приезжающих на целый день и толпами кочующих между мостом Вздохов, Дворцом дожей и мостом Риальто? Они успевают увидеть (точнее, сфотографировать) все, что изображено на почтовых открытках, продающихся вместе с соломенными шляпами, футболками «а ля гондольер» и «сувенирами» самого дурного вкуса в расставленных на каждом шагу киосках. Чтобы сдержать натиск волн такого нашествия, его необходимо регулировать или даже запретить вовсе. Последняя мера также была предложена, но по причине ее полной недемократичности, совершенно очевидно, она неосуществима.

Сегодня Венеция является мировым центром «культурного производства»: в городе открыт университет (совсем недавно, однако уже успешно конкурирует с Падуанским), имеются академии (среди которых многоотраслевая — Венецианский институт) и институты, созданные по частной инициативе: Центр Чини на острове Сан-Джорджо Маджоре (со своими научно-исследовательскими лабораториями по изучению всемирной истории, истории искусств и музыки, своими изданиями, своими конгрессами и семинарами по проблемам «высокой культуры»); литературная премия Кампьелло (спонсируемая промышленниками Венето); выставочный центр в палаццо Грасси, созданный фирмой «Фиат» для проведения престижных выставок.

Наконец, в городе самая высокая в Италии концентрация музеев: Галерея Академии, Коррер, Кверини-Стампалья, Ка'Редзонико, Сокровищница собора Сан-Марко, Галерея современного искусства (дворец Пезаро), палаццо Фортуни, Коллекция Пегги Гугенхейм. Но если в конце XIX в. благодаря Бьеннале Венеция оказывается в центре международных экспериментов в области изобразительного искусства и местом соприкосновения всех наиболее значимых изысканий в этой области, то постепенно отношения между городом и Бьеннале охладевают и становятся практически окказиональными. Примечательно, что одним из самых больших выставочных центров современной живописи в Венеции стал музей Пегги Гугенхейм (созданный в 1973 г. знаменитой американкой), где выставлено множество крупных шедевров, представляющих различные художественные течения двадцатого века — от кубизма до абстракционизма, футуризма, сюрреализма и экспрессионизма.

Надо сказать, что именно в Венеции три великих архитектора хотели реализовать свои проекты: Ф. Л. Райт (1953) — построить студенческий центр на Большом канале, Ле Корбюзье (1964) — новую больницу, а Л. Кан (1969) — большой зал для проведения конгрессов, — но ни один из этих проектов не нашел поддержки у жителей города. В самом деле, облик Венеции таков, что «модерн» с трудом находит в ней место.

Между старым и новым, проникшим во всех области жизни города, — как видится будущее Венеции?

В мае 1992 г. муниципалитет дает согласие на строительство в лагуне метро, первая линия которого, проложенная в туннеле под каналами, должна пересечь исторический центр, а вторая — соединить аэропорт с Бьеннале и Местре. Тотчас возобновляются прежние дебаты. Взяв на вооружение аргументы, выдвинутые еще в начале века против урбанистических проектов, превративших отдельные участки города в строительные площадки, оппозиционеры утверждают, что «Венецию хотят лишить ее исконного облика, сделать ее похожей на материковые города, превратить в привычную всем метрополию».

Вопрос ставится следующим образом: Венеция — город-музей или современный город? Альтернативное решение дилеммы принадлежит В. Бранке, который в 1986 г. предложил превратить Венецию с помощью новых средств коммуникации в «лабораторию мысли» не только для интеллектуалов, но и для руководителей производства… Положительный момент этого предложения, на наш взгляд, заключается в том, что оно основано на стремлении древнего и славного города не просто к выживанию, но к полнокровной жизни.

Эпилог
Венеция: образы и мифы

«Я лев, и я держу раскрытую книгу,/ где написано Pax tibi Marze[8]. / Пусть тот, кому фраза сия будет неугодна, / перевернет страницу и откроет лист, / где он сможет прочесть следующие слова: всюду, даже в пустыне, меня называют непобедимым зверем, / ибо я

8 Мир тебе, Марк (лат.).

владычествую над миром и повергаю его к своим стопам». Эти строки, взятые из венецианской рукописи конца XV или начала XVI в., через образ льва — символа святого Марка (и Венеции), — присутствующий на всех общественных сооружениях и площадях Республики, внушают двоякое о ней представление — она одновременно и миролюбивая, и властная.

Венецианские историки (мы видели это выше), подобно художникам (венецианским или же приглашенным), живописующим Светлейшую, с XIV в. и до падения Венеции прославляли Республику как внутри, так и за ее пределами. Без сомнения, эта функция восхваления была возложена на портрет — официальный и частный. Целая серия портретов дожей в роскошных одеяниях, заказанных в XVI в., до сих пор украшает зал Большого совета. Такую же смысловую нагрузку несут, например, и некоторые картины Каналетто (воспроизведенные во многих экземплярах гравером Брустолоном), например «Обручение дожа с морем» или полотно, где в толпе, собравшейся на площади Сан-Марко, представляют вновь избранного дожа, или еще одно, где дож в парадном головном уборе стоит на вершине Лестницы исполинов. Мифотворческой функцией обладает и картина Бонифачо де'Питати (после 1540), на которой мы видим Господа, благословляющего центр города: площадь Сан-Марко, собор, колокольню; а также холст Андреа Вичентино, висящий в зале для голосования Дворца дожей и рассказывающий о победе венецианского флота при Лепанто.

Венецианская скульптура несет еще и патриотическую нагрузку. Таков памятник Альвизе Мочениго работы Джузеппе Сарди, поставленный в соборе Сан-Ладзаро деи Мендиканти: слева и справа от героя войны на Кандии (1648–51) изображены сцены сухопутных и морских сражений.

Еще более красноречивой «агиткой» является растиражированная гравюра (конца XVI в.) Джакомо Франко. На ней Светлейшая предстает в облике женщины; увенчанная короной, со скипетром в руке, она восседает в колеснице, запряженной двумя морскими конями, которые мчат ее по воде. На втором плане видны галера, парусник и гондолы, а в самой глубине — Пьяццетта с ее двумя колоннами, а также Дворец дожей и собор. Для того, кто не в состоянии понять смысл этого триумфа, на гравюре имеется картуш с надписью: «Вот Венеция, неиссякаемый источник всяческих благ: тот, кто созерцает ее, непременно узрит целый мир, уместившийся на малом сем пространстве».

Вплоть до XVI и даже XVII столетия иностранцы, посещавшие Венецию (или же только слышавшие о ней), пребывают во власти мифа о богатстве и необычности города. Коммин, к примеру, пишет: «В тот день, когда мне предстояло приехать в Венецию, меня встретили в Фузине, в пяти милях от Венеции; там с судна, приходящего по реке из Падуи, пересаживаются на маленькие барки, очень чистые и с обитыми красивыми мягкими коврами сиденьями… Я был поражен видом этого города со множеством колоколен и монастырей, обилием домов, построенных на воде… Меня усадили между двумя послами и провезли вдоль большой и широкой улицы, которая называется Большим каналом. По нему туда и сюда ходят галеры, и возле домов я видел суда водоизмещением в 400 бочек и больше. Думаю, что это самая прекрасная улица в мире»[9]. То же самое, только короче, выражает Монтень, которого в Венеции восхищают «полиция, местоположение, Арсенал, площадь Сан-Марко и иностранные газеты». Шекспир, не видевший ни Италии, ни Венеции, в начале «Венецианского купца» устами одного из персонажей рисует излюбленный венецианцами морской пейзаж:

Вы духом мечетесь по океану,
Где ваши величавые суда,
Как богатеи и вельможи вод
Иль пышная процессия морская,
С презреньем смотрят на торговцев мелких,

9 Коммин Филипп де. Мемуары. / Пер. Ю. Малинина. М., 1986, с. 306

Что кланяются низко им с почтеньем,
Когда они летят на тканых крыльях[10].

С наступлением XVIII в. и закатом Республики панорамные виды (ведуты) Венеции постепенно меняются. Де Брос, к примеру, в своих «Письмах» высказывается не слишком восторженно. Воспитанный на эстетике классицизма, он находит собор Сан-Марко «совершенно невыносимым как внутри, так и снаружи», и называет Дворец дожей «скверным, мрачным господином в самом дурном готическом вкусе». Но оживление и суета, царящие на Пьяццетте, его привлекают — ему нравится, как «люди каждое мгновение прибывают и убывают», и он полностью поддерживает существующую уже много веков аристократическую форму правления: «Венецианские патриции (под ними я разумею представителей знатнейших домов), если не ошибаюсь, являются самыми древними дворянами в Европе, ибо среди них есть много потомков тех, кто избирал самого первого дожа». Гондола (уже упомянутая у Коммина как «маленькая барка»), на наш взгляд, наилучшим образом представлена в воспоминаниях безымянного чиновника из Дижона: «Это лодка, длинная и узкая, подобна рыбе, точнее, рыбе-акуле; посредине поставлена будка, напоминающая возок кареты… В ней ты чувствуешь себя как дома: можешь читать, писать, смеяться, беседовать, ласкать любовницу, есть, пить и т. п.; в гондолах горожане обычно отправляются отдавать визиты». Миф о Венеции величественной уступает место мифу о городе всевозможных наслаждений…

Монтескье в своих «Записках путешественника» выносит этой новой метрополии неодобрительную оценку и становится основоположником легенды о ничтожности и коррумпированности венецианцев: «Через две недели я уеду из Венеции; признаюсь вам, что гондольеры довели меня до белого каления: несомненно, введенные в заблуждение моим здоровым видом, они останавливаются у каждой двери, где вас поджидают куртизанки, а когда я приказываю им плыть дальше, неодобрительно качают головами, словно я в чем-то провинился».

Однако вернемся к гондоле, которая в глазах гостей Венеции, в сущности, уже вытеснила великолепного льва, превратившись в символ города, пусть даже смехотворный. В описании Теофиля Готье она предстает перед нами во всей своей загадочной и картинной неповторимости: «Гондола является естественным порождением Венеции, неким организмом, рожденным в здешних водах и ведущим свою особенную жизнь, этакой рыбой, способной существовать только в водах канала. Лагуна и гондола связаны между собой неразрывно, словно моллюск со своей раковиной. Город являет собой раковину, а гондола — живущего в ней моллюска». Однако уже в 1806 г. Шатобриан представил этот венецианский челнок в весьма мрачных красках: «Эти знаменитые черные гондолы производят впечатление кораблей, перевозящих гробы; на первой же из них мне привиделся покойник, которого собрались хоронить».

Таким образом, будущий автор «Замогильных записок» предвосхитил видение Венеции в черных красках, которое вскоре будет проповедовать по всей Европе лорд Байрон. По вине английского поэта и романтиков в целом, к которым впоследствии присоединятся декаденты (и среди них Д'Аннунцио), экс-Светлейшая становится «городом мертвых *par excellence* [11], настоящим призраком, который вот-вот исчезнет» (Бассани).

Разумеется, автор «Чайльд Гарольда» имел полное право написать: «Венеция подобна Кибеле, вышедшей из океана и горделиво несущей свой башенный венец; овеваемая ветрами, она шествует величественной походкой, и ей подвластны воды и обитающие в них божественные творения…» И тут же добавить: «Ее дочери получили в приданое рассеянные племена некогда могучих народов, а неисчерпаемый Восток пролил на плащ ее сверкающий

10 Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

11 В полном смысле этого слова (лат.).

дождь своих сокровищ. Облачившись в пурпур, она приглашала к себе на пиры монархов и осыпала их столькими милостями, что даже ничтожнейший из них чувствовал себя возвышенным».

Противопоставление блистательного прошлого Венеции ее нынешнему упадку стало общим местом *(topos)* нового мифа о городе в лагуне: «Это жалкий обшарпанный город, который с каждым часом неустанно погружается в могилу», — напишет Бальзак, в то время как Баррес станет оплакивать «физиологическую грусть» и «изнуренность Венеции»…

В таком же духе создан целый ряд венецианских «ноктюрнов», авторами которых стали лучшие литераторы XIX столетия от Жорж Санд до Готье и Тэна: «Стоявшие на мостах силуэты смутно напоминали человеческие, и, когда мы проплывали под мостовыми пролетами, на нас устремлялись их тусклые сонные взоры. Огни то и дело гасли, и нам ничего не оставалось, как двигаться вперед, лавируя между четырьмя зловещими сгустками мрака; над водой клубилась липкая, сырая и глубокая тьма, ночное небо изливало тьму, окрашенную в цвета грозовых туч, каменные стены канала были окутаны непрозрачной мглой, настолько плотной, что свет лодочного фонаря не мог пробиться сквозь нее и порождал лишь красноватый сумрак, в котором проплывали мимо то пьедестал неведомого монумента, то основание колонны, то портик или решетка. Иногда невесть откуда взявшийся лучик стремительно выхватывал из темноты какие-то несоразмерные, таинственные, поистине фантастические предметы, но они, к счастью, мгновенно исчезали, а вместе с ними и пробужденный ими леденящий страх» (Готье).

Вот уже больше века Венеция является жертвой нездорового любопытства эстетов и своеобразного «вуаеризма» тысяч туристов, навалившихся на нее всей своей плотной, тяжелой и инертной массой. Но еще хуже, что она сама превратилась в серию стереотипов. Ибо ни интеллектуал, подлинный или только считающий себя таковым, ни исследователь, приезжающий в Венецию, уже не в состоянии взглянуть на нее свежим взглядом. В кармане у туриста лежит путеводитель (примерно с 1860 г. это «Бедекер»), в его интеллектуальном багаже — мемуары знаменитых предшественников, на которые он не может не сослаться; он останавливается (по крайней мере, останавливался до недавнего времени) в тех же гостиницах, где некогда останавливались Шатобриан и Готье (гостиница «Европа»), Жорж Санд, Мюссе и Луиза Коле (гостиница «Даниэли») и откуда взору его открываются все те же неизменные виды, а потому во множестве рождаются изречения вроде следующих: «Моя гостиница, отель «Европа», расположена у входа в Большой канал, напротив Морской таможни, Джудекки и Сан-Джорджо Маджоре» (Шатобриан); «Остров Сан-Джорджо с его собором находится напротив; звонница его словно качается на волнах; справа высятся *Dogana di Mare* и *Salute* » (Коле).

Даже Пруст, долгое время избегавший общих мест, в конце концов — видимо, на мгновение забывшись — создал свой *toposo* тайнах и чарах Венеции: «Я не заметил, как очутился в лабиринте узеньких улиц, *calli,* бороздящих, подобно трещинкам, этот, словно составленный из множества замысловатых и слепленных воедино форм, кусочек Венеции, отсеченный от остального города каналом и лагуной… Это был один из тех архитектурных ансамблей, к какому в любом другом городе вели бы все улицы, все указатели. Здесь же, казалось, его нарочно спрятали среди пересечения улочек, уподобив тем восточным дворцам, куда героя волшебной сказки приводят ночью, дабы к утру доставить его домой, где он, пробудившись, уже не сможет понять, приснилось ли ему его ночное приключение или же он пережил его наяву». Поэтому в качестве заключения мы все же предпочтем лапидарное суждение Ле Корбюзье: «Венеция — это величайшее архитектурное чудо из всех существующих на земле».

Карта 1. План Венеции

1-церковь Сан-Пьетро (Оливоло); 2-собор Сан-Марко; 3-Дворец дожей; 4-Арсенал; 5-мост Риальто; 6-церковь деи Фрари; 7-Ка Д'Оро; 8-Фондако деи Тедески (Немецкое

подворье).

Карта 2. Венецианская колониальная империя в Средние века

Карта 3. Завоевания Венеции на материке (Терраферма)

Приложения

Венецианские дожи

1. Паолуччо Анафесто, 699–717
2. Марчелло Тегалиано, 717–726
3. Орсо Ипато, 726–737
4. Диодато Ипато, 742–755
5. Галла Гауло, 755–756, низложен
6. Доменико Монегарио, 756–764
7. Маурицио Гальбайо, 764–787
8. Джованни Гальбайо, 787–804
9. Обелерио Антенорио, 804–809 или 810, низложен
10. Анджело Партечипацио, 810–127
11. Джустиниано Партечипацио, 827–829
12. Джованни Партечипацио I, 829–836 или 837, низложен
13. Пьетро Традонико, 836 или 837–15 марта 864
14. Орсо Партечипацио I, 864–881
15. Джованни Партечипацио II, 881–887, низложен
16. Пьетро Кандиано 1,17 апреля? — сентябрь 887
17. Пьетро Трибуно, май? 888 — конец мая? 912
18. Орсо Партечипацио II, 912–932, отрекся
19. Пьетро Кандиано II, 932–933, отрекся
20. Пьетро Партечипацио, 939–942
21. Пьетро Кандиано III, 942–959
22. Пьетро Кандиано IV, 959–976
23. Пьетро (св.) Орсеоло 1, 12 августа? 976–1 сентября 978, отрекся
24. Витале Кандиано, 978 — декабрь 979
25. Трибуно Меммо, декабрь? 979–992
26. Пьетро Орсеоло II, март 992 — сентябрь 1009
27. Отгоне Орсеоло, 1009–1026, низложен
28. Пьетро Чентранико, 1026–1032, низложен
29. Доменико Флабьянико, 1032–1042
30. Доменико Контарини, 1042–1070 или 1071
31. Доменико Сельво, 1070 или 1071–1084, низложен
32. Витале Фальер, 1084 или 1085–1096
33. Витале Микьель I, 1096–1102
34. Орделафо Фальер, 1102–1118
35. Доменико Микьель, 1118–1129, отрекся
36. Пьетро Полани, 1130–1148
37. Доменико Морозини, 1148 — февраль 1156
38. Витале Микьель II, февраль 1156–28 мая 1172
39. Себастьяно Дзиани, сентябрь 1172–13 апреля 1178
40. Орио Малипьеро, 17 апреля 1178–14 июня 1192

41. Энрико Дандоло, 21 июня 1192–14 июня 1205
42. Пьетро Дзиани, 5 августа 1205–3 марта 1229
43. Якопо Тьеполо, 6 марта 1229–20 мая 1249, отрекся
44. Марино Морозини, 13 июня 1249–1 января 1253
45. Раньеро Дзено, 25 января 1253–7 июля 1268
46. Лоренцо Тьеполо, 23 июля 1268–15 августа 1275
47. Джакомо Контарини, 6 сентября 1275–6 марта 1280
48. Джованни Дандоло, 25 марта 1280–2 ноября 1289
49. Пьетро Градениго, 25 ноября 1289–13 августа 1311
50. Марино Дзордзы, 23 августа 1311–3 июля 1312
51. Джованни Соранцо, 13 июля 1312–31 декабря 1328
52. Франческо Дандоло, 4 января 1329–31 октября 1339
53. Бартоломео Градениго, 7 ноября 1339–28 декабря 1342
54. Андреа Дандоло, 4 января 1343–7 сентября 1354
55. Марино Фальер, 11 сентября 1354–17 апреля 1355, низложен и обезглавлен
56. Джованни Градениго, 21 апреля 1358–8 августа 1356
57. Джованни Дольфин, 13 августа 1356–12 июля 1361
58. Лоренцо Челси, 16 июля 1361–18 июля 1365
59. Марко Корнер, 21 июля 1365–13 января 1368
60. Андреа Контарини, 20 января 1368–5 июня 1382
61. Микеле Морозини, 10 июня — 15 октября 1382
62. Антонио Веньер, 21 октября 1382–23 ноября 1400
63. Микеле Стено, 1 декабря 1400–26 декабря 1413
64. Томмазо Мочениго, 7 января 1414–4 апреля 1423
65. Франческо Фоскари, 15 апреля 1423–23 октября 1457, низложен
66. Паскуале Малипьеро, 30 октября 1457–5 мая 1462
67. Кристофоро Моро, 12 мая 1462–9 ноября 1471
68. Никколо Трон, 23 ноября 1471–28 июля 1473
69. Никколо Марчелло, 13 августа 1473–1 декабря 1474
70. Пьетро Мочениго, 14 декабря 1474–23 февраля 1476
71. Андреа Вендрамин, 5 марта 1476–6 мая 1478
72. Джованни Мочениго, 18 мая 1478–4 ноября 1485
73. Марко Барбариго, 19 ноября 1485–14 августа 1486
74. Агостино Барбариго 30 августа 1486–20 сентября 1501
75. Леонардо Лоредан, 2 октября 1501–22 июня 1521
76. Антонио Гримани, 6 июля 1521–7 мая 1523
77. Андреа Гритти, 20 мая 1523–28 декабря 1538
78. Пьетро Ландо, 19 января 1539–9 ноября 1545
79. Франческо Донато, 24 ноября 1545–23 мая 1553
80. Маркантонио Тревизан, 4 июня 1553–31 мая 1554
81. Франческо Веньер, 11 июня 1554–2 июня 1556
82. Лоренцо Приули, 14 июня 1556–17 августа 1559
83. Джироламо Приули, 1 сентября 1559–4 ноября 1567
84. Пьетро Лоредан, 26 ноября 1567–3 мая 1570
85. Альвизе Мочениго, 11 мая 1570–4 июня 1577
86. Себастьяно Веньер, 11 июня 1577–3 марта 1578
87. Никколо да Понте, 11 марта 1578–30 июля 1585
88. Паскуале Чиконья, 18 августа 1585–2 апреля 1595
89. Марино Примани, 26 апреля 1595–25 декабря 1605
90. Леонардо Донато, 10 января 1606–16 июля 1612
91. Маркантонио Меммо, 24 июля 1612–29 октября 1615
92. Джованни Бембо, 2 декабря 1615–16 марта 1618

93. Никколо Донато, 5 апреля — 9 мая 1618
94. Анонио Приули, 17 мая 1618–12 августа 1623
95. Франческо Контарини, 8 сентября 1623 — 6 декабря 1624
96. Джованни I Корнер, 4 января 1625–23 декабря 1629
97. Никколо Контарини, 18 января 1630–2 апреля 1631
98. Франческо Эриццо, 10 апреля 1631–3 января 1646
99. Франческо Молин, 20 января 1646–27 февраля 1655
100. Карло Контарини, 27 марта 1655–30 апреля 1656
101. Франческо Корнер, 17 мая — 5 июня 1656
102. Бертуччо Вальер, 15 июня 1656–29 марта 1658
103. Джованни Пезаро, 8 апреля 1658–30 сентября 1659
104. Доменико Контарини, 16 октября 1659–26 января 1675
105. Никколо Сагредо, 6 февраля 1675–14 августа 1676
106. Альвизе Контарини, 26 августа 1676–15 января 1684
107. Маркантонио Джустиниани, 26 января 1684–23 марта 1688
108. франческо Морозини, 3 апреля 1688 — 6 января 1694
109. Сильвестро Вальер, 25 февраля 1694–5 июля 1700
110. Альвизе II Мочениго, 16 июля 1700–6 мая 1709
111. Джованни II Корнер, 22 мая 1709–12 августа 1722
112. Альвизе III Мочениго, 24 августа 1722–21 мая 1732
113. Карло Руццини, 2 июня 1723–5 января 1735
114. Альвизе Пизани, 17 января 1735–17 июня 1741
115. Пьетро Гримани, 17 июня 1741–7 марта 1751
116. Франческо Лоредан, 18 марта 1752–19 мая 1762
117. Марко Фоскарини, 31 мая 1762–31 марта 1763
118. Альвизе IV Мочениго, 19 апреля 1763–31 декабря 1778
119. Паоло Реньер, 14 января 1779–13 февраля 1789
120. Лодовико Манин, 9 марта 1789–12 мая 1797, низложен

Демография Венеции

(исторический центр)

I. 1581–1797
1581 — 134 861
1586 — 142 900
1624 — 141 625
1633 — 102 243
1642 — 120 307
1696 — 138 067
1760 — 149 476
1780 — 141 086
1790 — 137 603
1797 — 137 240
II. 1871–1985
1871 — 128 901
1881 — 129 851
1901 — 146 682
1911 — 154 642
1921 — 156 899
1931 — 163 599
1951 — 174 969

1961 — 137 985
1971 — 108 987
1981 — 92 925
1985 — 86 072

Наиболее высокие приливы (1916–86)

1916 — 1,60 м
1936 — 1,47
1946 — 1,36
1948 — 1,32
1951 — 1,51
1960 — 1,45
1966 — 1,94
1967 — 1,38
1968 — 1,44
1969 — 1,38
1978 — 1,32
1979 — 1,31 1,40 1,66
1980 — 1,34
1981 — 1,36
1982 — 1,32
1986 — 1,58

Численность занятых на предприятиях Маргеры (1928–85)

1928 — 4880
1935 — 6442
1939 — 18 872
1947 — 16 500
1955 — 25 300
1960 — 30 117
1967 — 31 140
1971 — 30 117
1981 — 25 708
1982 — 24 772
1983 — 23 522
1985 — 19 779

Библиография

Книг о Венеции великое множество, мы предлагаем вниманию читателя лишь наиболее значительные.

A. V. Storia della civilta veneziana. Venise — Florence, 1955–1965,11 vol.

A. V. Storia della cultura veneta. Vicenza, 1976–1985, 6 vol.

A. V. Storia di Venezia. Rome, 1992 sq; 8 vol.

Braunstein (Ph.) et Delort (R.). Venise, portait his — torique d'une cite. Paris, 1971.

Cessi (R.). Storia della Repubblica di Venezia, 2 vol. Milan — Messine, 1968.

Cozzi (G.) et Knapton (M.). Storia della Repubblica di Venezia dalla Guerra di Chioggia alla riconquista della Terraferma. Turin, 1986.

Id. et Scarabello (G.). La Repubblica di Venezia nell'eta moderna. Turin, 1992.

Franzina (E.). Venezia. Bari, 1986
Lane F. C. Venise, une Republique maritime. Paris, 1985.
Renouard (Y.). Les villes d'ltalie de la fin du Xe au debut du XIVe siecle. Paris, 1969.
Thiriet (F.). Histoire de Venise. Paris, 1952.
Unesco. Sauver Venise. Paris, 1971
Zorzi A. La Repubblica del Leone, storia di Venezia. Milan, 1979.
Гольдони Карло. Мемуары Карло Гольдони. Л., 1933, тт. 1–2.
Искусство Венеции и Венеция в искусстве. М., 1988.
Казанова Джованни Джакомо. История моей жизни. М… 1990.
Муратов П. П. Образы Италии. М., 1994, тт. 1–3.
Попов Н. А. Путешествие в Италию и на о. Мальту стольника П. А. Толстого в 1697 и 1698 гг. М., 1859.
Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1969.